

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
БУРЯТСКИЙ ФИЛИАЛ
Институт общественных наук

В.И. РАССАДИН

ОЧЕРКИ
ПО ИСТОРИЧЕСКОЙ
ФОНЕТИКЕ
БУРЯТСКОГО ЯЗЫКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО "НАУКА"
Москва 1982

В работе впервые на большом фактическом материале исследуются основные вопросы исторической фонетики бурятского языка, анализируются причины возникновения отличий этого языка от остальных монгольских языков. В книге привлекается обширный сравнительный материал из монгольских и, шире, алтайских языков — древних и современных.

Ответственный редактор
кандидат филологических наук
С.Б. БУДАЕВ

ВВЕДЕНИЕ

Вопросы сравнительно-исторической фонетики бурятского языка до сих пор остаются наименее изученными в бурятском языкознании, хотя многими поколениями исследователей уже накоплено достаточно фактов по всем современным бурятским говорам и многие материалы опубликованы [напр., см.: Castrén; Абашеев; Алексеев; Бертагаев 1936; Будаев 1962, 1965, 1977, 1977a, 1978; Бураев 1965, 1968, 1976a; Бэшэ 1964, 1968; Дамдинов 1968, 1977; Дарбеева, 1960, 1974, 1978; Матхеев 1956, 1957, 1968, 1970, 1972; Митрошкина 1958, 1968; Поппе 1930a, 1932, 1941; Раднаев 1958, 1960, 1965; Руднев 1913; Рыгдылон; Санжеев 1930, 1939; Хомонов 1958, 1965; Цыдендамбаев 1960, 1964, 1968; Чагдуров; Черемисов 1941, 1947; Шагдаров 1968; Шагдаров-Дамдинов¹].

В настоящее время назрела необходимость в обобщении и сравнительно-исторической интерпретации всех этих материалов. До сих пор лишь в двух работах [Руднев 1913; Поппе 1930a] была сделана попытка рассмотреть звуковой состав хоринского и аларского бурятских говоров (наряду с морфологией) в сравнении со старописьменным монгольским языком. В основном же материалы по фонетике бурятского языка наряду с данными по другим монгольским языкам привлекались лишь в работах, посвященных более общим проблемам монголоведения и алтаистики [напр., см.: Бертагаев 1968; 1971; Бураев 1977; Верба 1976, 1978; Владимирцов, Мельников; Номинханов; Рассадин 1975; Санжеев 1953, 1970, 1978; Хаттори; Doerfer 1964, 1970; Hattori; Murayama; Poppe 1932, 1950, 1955, 1956, 1957, 1962, 1965, 1967].

Имеющиеся в настоящее время работы по фонетике бурятского языка выполнены в плане синхронии и носят в основном описательно-констатирующий характер [напр., см.: Будаев 1962; Бураев 1959, 1960, 1968, 1975, 1976a; Золхоев; Матхеев 1957, 1970, 1972; Митрошкина 1958; Раднаев 1958; Санжеев 1930]. Исследование фонетики бурятского языка в сравнительно-историческом плане по сути дела только начинается [напр.: Бураев 1976, 1977; Рассадин 1975, 1976].

Изучение вопросов сравнительно-исторической фонетики бурятского языка облегчается ныне наличием соответствующих разработок как в плане общего монголоведения [напр.: Рамстедт; Верба 1978; Владимирцов; Лигети 1955, 1969; Санжеев 1953; Poppe 1950, 1955, 1956, 1957, 1962, 1967; Ramstedt 1916], так и по конкретным монгольским языкам [напр.: Биткеев 1964, 1965, 1965a, 1968, 1969, 1969a, 1970, 1973, 1975, 1975a, 1978;

¹ Более полный обзор литературы по вопросам изучения как вообще бурятских говоров, так и их фонетики см.: Бураев 1958; Шагдаров 1969, с. 10–24; Будаев 1978, с. 5–37; Бажеева, с. 147–174.

Вандуй 1965, 1973; Кичиков; Лувсанваидан 1959, 1967, 1967а, 1967б, 1975, 1977; Мишиг; Мөөмөө 1975, 1975а; Наделяев 1957; Павлов 1963, 1964, 1974; Поппе 1930, 1938; Руднев 1911; Санжеев 1931; Сухбаатар; Тодаева 1951, 1960, 1961, 1964, 1973; Төмөртоого; Төмөрцэрэн 1970, 1970а, 1971, 1971а; Цолоо; Шагдаров — Казанцева; Kara 1962, 1963; Ligeti 1962, 1963, 1964; Poppe 1932, 1935; Ramstedt 1905; Weiers 1970].

В настоящей работе впервые в бурятоведении сделана попытка, опираясь на накопленный в бурятском языкознании материал по современным бурятским говорам, обобщить звуковой состав бурятских говоров, показав в сравнительно-историческом плане его развитие и попытавшись найти причины, движущие механизмы как экстралингвистического, так и интралингвистического характеров, вызвавшие столь значительные изменения бурятской фонетики.

В основу исследования был положен выдвинутый некогда А. Мейе [с. 121–122] и поддержанный многими исследователями, в частности Б.А. Серебренниковым [см.: 1971, 1974], тезис о действовавшей в языках тенденции ослабления смычки, приводившей эти языки к существенной перестройке. Приняв это положение и применив его к бурятскому языку, удалось проследить изменение, перестройку всей системы вокализма и консонантизма. Привлечение данных по другим алтайским языкам, тюркским и особенно тунгусо-маньчжурским, позволило выдвинуть дополнительно предположения о взаимодействии в процессе эволюции звукового строя бурятского языка тенденции ослабления напряженности артикулирующих органов с тенденцией смены слоговой акцентуации и соответственно мест сильных и слабых слогов в слове и о взаимодействии тенденции ослабления с внешним влиянием тунгусо-маньчжурских языков.

Объектом исследования послужили в основном опубликованные материалы как по бурятским говорам (сводку работ см. выше), так и по другим монгольским языкам, включая современные калмыцкий, халха-монгольский, дагурский, ордосский, могольский, монгорский, дунсянский, баоаньский языки и говоры Внутренней Монголии [см.: Калмыцко-русский словарь; Монгольско-русский словарь; Поппе 1930; Kałużyński; Mostaert; Ramstedt 1905, 1935; Weiers 1971; Тодаева 1960, 1961, 1964, 1973; Руднев 1911; Kara 1970], старописьменный монгольский язык [см.: Бобровников; Lessing] и средневековые монгольские языки [см.: Поппе 1938; Poppe 1927–1928; Haenisch 1957, 1962; Ligeti 1962, 1963]. Использованы также собранные лично нами полевые материалы по окинскому и нижнеудинскому бурятским говорам, по говору сарт-калмыков и по тофаларскому языку, а кроме того, личные наблюдения над другими бурятскими говорами и халха-монгольским и калмыцким языками.

Материалы по бурятским говорам и другим монгольским языкам даны с сохранением написания по оригиналу. Для старописьменного монгольского языка применена общепринятая транслитерация на латинской основе. В необходимых случаях применялась точная фонетическая транскрипция, разработанная Л.В. Шербой [см.: Зиндер] и уточненная В.М. Наделяевым [см.: 1960] применительно к языкам народов СССР.

Для анализа привлекались главным образом лексемы исконные, из основного словарного фонда, во избежание получения ложной картины фонетического состояния бурятских говоров и фонетической эволюции.

Особое внимание было уделено проблеме взаимодействия бурятских говоров с тунгусо-маньчжурскими языками, чтобы выяснить, насколько глубоким было воздействие тунгусо-маньчжурских языков и насколько широкое отражение оно получило в бурятской фонетической системе. Это необходимо было сделать, поскольку в монголоведении выдвинуто по крайней мере две различные точки зрения на появление бурятского $h(<*s)$, а именно: мнение И.Д. Бураева [1977, с. 40], который считает, что "фарингальный h в современном бурятском языке — это элемент субстрата эвенкийского языка, ассимилировавшегося с одним из диалектов монгольского языка", и предположение Г.И. Рамстедта [1908, с. 27] о влиянии сдвига назад всей артикуляционной базы: "В баргу-бурятском наречии из этого звука ("с" старописьменного языка. — В.Р.), параллельно с сильным движением назад гласных, развился звук h ...".

Первые две главы работы содержат в основном сравнительный анализ фонем бурятских говоров в общемонгольском аспекте, в историческом же плане узловые вопросы бурятской фонетики рассмотрены в третьей главе.

Глава I

ВОКАЛИЗМ

КРАТКИЕ ГЛАСНЫЕ

Гласные первых слогов

Исследование гласных звуков представляет немаловажный интерес с точки зрения исторической фонетики, поскольку в бурятском языке, как и вообще в алтайских языках, гласный первого слога базового корня обычно играет смысловоразличительную роль. Это обусловлено тем, что "в основе строения слова в современных алтайских языках лежит односложный неизменяющийся корень и односложный суффикс, изменяющийся в зависимости от фонетической структуры корня" [Котвич, с. 30]. Корни представляют собой типы: VCVC¹, VC, CVC, (C)CC. Таким образом, в данном разделе будут рассмотрены и гласные односложных слов, и гласные первых слогов многосложных слов, образованных путем наращения соответствующих аффиксов к односложным словам. Этим обусловлено и совершенно различное фонетическое соотношение гласных в первых слогах и гласных в непервых слогах. Поэтому эти гласные рассматриваются в разных разделах.

Как известно [см.: Бураев 1959, с. 113–128], гласные в бурятском языке противопоставляются в первую очередь по количественной характеристике, т.е. по долготе и краткости, и затем соответственно в каждой из этих групп по различию артикуляций. Кроме того, краткие и долгие гласные имеют свою историю эволюции. Все это определило их раздельное рассмотрение.

Для современного бурятского языка² исследователями единодушно устанавливается следующий состав гласных фонем: [a], [o], [y], [ɔ], [ə], [y], [i]. Все они употребляются в первых слогах слов без ограничений, например: *гар* 'рука', *бол* 'будь', *ута* 'длинный', *энэ* 'этот', *эргэн* (зап.-бур.) 'широкий', *унэр* 'запах', *ила* 'побеждай'. Разберем каждую из этих фонем в отдельности.

[a] — представляет собой общебурятскую фонему, встречающуюся в твердоядных словах. В то же время она является и общемонгольской фонемой, поскольку представлена в тех же словах в той же позиции во всех монгольских языках, например:

общебур. *аба-* — х.-монг. *ав-*, калм. *ав-*, стп.-м. *ab-*, МА *ab-*, MNT *ab-*, орд. *ab-*, мог. *abu-*, даг. П *ау-*, даг. К *ау-*, баоан. *аб-*, дунс. *аг-* 'брать, взять';

общебур. *гар* — х.-монг. *гар*, калм. *һар*, стп.-м. *ҕар*, МА *ҕар*, MNT *һар*, орд. *gar*, мог. *gar*, даг. П *гар*, даг. К *gar*, баоан. *хар*, дунс. *ка* 'рука';

¹ V — гласный, C — согласный.

² Включая литературный язык и диалекты.

общебур. *халуун* — х.-монг. *халуун*, калм. *халун*, стп.-м. *qalaγun*, МА *qala'un*, MNT *hala'un*, орд. *халун*, мог. *qalūn*, *qalōn*, даг. П *халон*, даг. К *халон*, дунс. *калун* 'жаркий; жара'.

Указанная фонема в данной позиции в бурятском разговорном языке в зависимости от комбинаторных условий реализуется в двух основных оттенках: переднерядном *а*, употребляющемся в соседстве с переднеязычными, среднеязычными и палатализованными согласными (напр., *ам'иң* 'дыхание', *бәри* 'держи', *таби* 'положи' и т.п.), и заднерядном *а*, употребляющемся в соседстве с увулярными и фарингальными согласными (напр., *һаһал* 'борода', *хара* 'черный', *аха* 'старший брат') [см.: Руднев 1913, с. 1, 22; Поппе 1930а, с. 37; Бураев 1959, с. 129]. В бурятских же диалектах, главным образом в западных, исследователями отмечается тенденция перехода оттенка *а* в еще более переднерядный мягкий звук *ä* — по фонетической классификации широкий неогубленный гласный переднего ряда примерно пятой ступени подъема [см.: Хомонов 1965, с. 41; Раднаев 1965, с. 84]. Например: бох. *нарин*, барг. *нарин* 'тонкий', бох. *хәри* 'иди домой'. Особенно сильна эта тенденция в баргузинском говоре.

Аналогичную картину опереждения *а* в *ä* для языка дархатов отмечает Г.Д. Санжеев: "*ä* — палатализованный вариант *а* перед *и* под влиянием следующих палатальных; встречается только как комбинаторный вариант *а*. В отличие от бурятского и халхаского *ä* дархатский очень близок к *а*... Примеры: *бәрихә* (почти — *барихә*) — держать, *ам'иң* — жизнь, *хәрихә* — уходить домой" [Санжеев 1931, с. 7]. Б.Я. Владимирцов и Г.Д. Санжеев утверждают, что в халхаском языке это общемонгольское [a] первого слога реализуется в двух вариантах — *а* и *ä*. При этом *ä* появляется обычно там, где за ним следует историческое *i, а согласный перед этим *i палатализован [см.: Владимирцов, с. 144; Санжеев 1953, с. 72, 75]. Эти же два произносительных варианта *а* и *ä* выделяют для современного халха-монгольского языка и монгольские фонетисты [см.: Мөөмөө 1975а, с. 188; Лувсанвандан 1967, с. 64–65].

В калмыцком языке в аналогичной позиции наблюдается тот же процесс. В нем общемонгольское [a] перед *i везде дало *ä*, обозначаемое в современной калмыцкой орфографии через *э*, например: стп.-м. *амин*, бур. *амин* (*amīn*), х.-монг. *амин* (*amīn*), дарх. *амин*, калм. *эмин* (*amīn*) 'жизнь'; стп.-м. *бариги*, бур. *бариха* (*bār'ixā*), барг. *барьха* (*bār'xā*), дарх. *бариха* ~ *бәр'ixā*, калм. *бәрх* (*bār x*) 'держат; ловить'. Сходное явление отмечается также Ф.В. Муромским: *ädil*, *ädili* 'подобный', *äni*, *äni*, *äni* 'кто?', *ätirka*, *ätirka* 'старший' [см.: Kačuzynski, s. 111], а также у Н.Н. Поппе в его материалах по дагурскому языку г. Хайлара, напр. *гәр'г* 'сеять', *äдл'г* 'похожий', *мәлб'г* 'молиться' [см.: Поппе 1930, с. 108]. Появление в этой позиции на месте *а* более мягких передних звуков *ä*, *ä* и даже *е* (*э*) отмечается исследователями и во всех монгольских диалектах Внутренней Монголии, например А.Д. Рудневым: *äлчүр*, *elčүр* (ср. стп.-м. *alčiyur*) 'платок', *амин*, *емин* (ср. стп.-м. *amin*) 'жизнь' [см.: Руднев 1911, с. 188]; Б.Х. Тодаевой: *танä* 'узнать', *сәлхән* 'ветер', *әрвән* 'много' (ср. соответствующие стп.-м. *tani*, *salkin*, *arbin*) [см.: Тодаева 1960, с. 23]; Дьердем Кара: *ägi*, *äg* 'полюнь' (ср. стп.-м. *agi*), *äji* 'путешествие' (ср. стп.-м. *ajan*), *äl* 'который' (ср. стп.-м. *ali*) [см.: Кара 1963, с. 1–2], *edal* 'похожий' (ср. стп.-м. *adali*), *neran* 'тонкий' (ср.

стп.-м. *гагир* 'земля' (ср. стп.-м. *γaγar*), ем 'жизнь' (ср. стп.-м. *amin*) [см.: Кара 1970, с. 241, 242].

Таким образом, это явление можно констатировать как общемонгольское, а не присущее одному бурятскому языку и особенно баргузинскому говору. Исследователями оно объясняется регрессивным ассимилирующим влиянием последующего (или предыдущего) палатализованного согласного и гласного *i*, стоящего за ним. Причем по языкам смягчение этого *a* происходит или сильнее (как, например, в баргузинском и боханском говорах бурятского языка, дархатском языке, в диалектах Внутренней Монголии, калмыцком) или слабее (как в большинстве бурятских говоров, халха-монгольском языке).

Кроме сохранения исконного общемонгольского **a* в бурятских говорах, особенно в западных, наблюдается появление *a* на месте обычного *y*, например: аларск. *балыха* в.м. *буляха* 'отнимать', аларск. *палаад* в.м. *пулаад* 'платок', *баряад* в.м. *буряад* 'бурят', *балсан* в.м. *булшан* 'икра ноги' [см.: Алексеев, с. 90]. Аналогичное явление встретилось нам также в речи окинцев: *баряд* в.м. *буряад* 'бурят', *балалдаха* в.м. *буляалдаха* 'отнимать друг у друга', *баргаанан* в.м. *бургаанан* 'ивняк'. Сходное явление отмечено и у дагуров Хайлара: "после *б* старый **u* в ряде случаев дает *a*, напр.: *ба'ч'и* (~*буч'и*-'возвращаться' = мо. *buča-*, *бархән* 'божество, будда' = мо. *buγan*, *балд* 'соболь' = мо. *buγan* и т.д." [Поппе 1930, с. 113].

Это явление, видимо, можно объяснить за счет регрессивной ассимиляции последующих широких неогубленных гласных (в данном случае *a*) под влиянием выравнивания по губной гармонии в условиях действия общей тенденции ослабления напряженности артикулирующих органов, проявляющейся в большей степени, вероятно, в этих языках и говорах. В том же направлении идет замена узкого огубленного *y* широким неогубленным *a* в мягкорядных словах, о чем см. ниже.

Кроме того, нельзя не упомянуть об [a], которое во многих случаях появилось в бурятском языке, как и в некоторых современных монгольских языках, на месте исконного гласного **i* в результате так называемого перелома, в то время как в старописьменном, всех средневековых и отдельных современных монгольских языках этот **i* представлен, например:

бур. *загаһан* — х.-монг. *загас*, калм. *захсн*, орд. *džagasu*, даг.П *γ'агүс*, даг.К *žahān*, баоан. *дžигдасон*, стп.-м., МА *jīγasun*, MNT *jīhasu(n)*, SG *jīhasun*, ЛР *jīqasun* 'рыба';

бур. *шада-* — х.-монг. *чада-*, калм. *чад-~чид-*, даг.П *ш'ад-~шад-*, даг.К *sada-*, орд. *tšida-*, стп.-м., МА, MNT *čida-* 'мочь, быть в состоянии';

бур. *шара* — х.-монг., калм. *шар*, орд. *šara*, даг.К *šar*, *šara*, дунс. *шыра*, баоан. *шйра*, мог., стп.-м., МА, MNT, ЛР *šira* 'желтый';

бур. *мяхан* (*m'ax'ḥ*) — х.-монг. *мах*, калм. *махн*, орд. *таха*, даг.П *m'āγa*, даг.К *m'ax*, *m'ah*, дунс. *миза*, баоан. *мэза*, мог. *miqōn*, стп.-м. *miqa(n)*, МА *miqan*, MNT *miḥa(n)*, SG *miḥa*, ЛР *miqa* 'мясо';

бур. *ямаан* (*ja:ma:ŋ*) — х.-монг. *ямаа*, калм. *яман*, орд. *jamā* 'коза', даг.К *jama*, *ima*, *imo* 'козел', дунс. *јиман*, баоан. *имаң*, стп.-м. *imaγan*, МА *ima'an*, MNT *ima'at* (Pluralis), SG *yima'an*, ЛР *imān* 'коза'.

В отдельных бурятских говорах в некоторых из подобных слов этот **i* сохранился, например в нижнеудинском говоре: *н'имән* 'коза', *микаң*

'мясо', *шйда-* 'мочь' [см.: Дарбеева 1978, с. 35; о сохранении **i* в бур. НУ см. там же, с. 34–37], у олонских хамниган: *сира-~шира* желтый, у тункинцев: *н'имаан* 'коза'.

[o] — общепурятская фонема, встречающаяся в твердоядных словах. Обычно она соответствует той же фонеме [o], представленной во всех остальных монгольских языках, например:

общепур. *боло-* — х.-монг., калм. *бол-*, орд., мог., дак.К стп.-м., МА, MNT, ЛР *bol-* 'быть, стать', даг.П *бол-* 'делаться';

общепур. *оло-* — х.-монг., калм. *ол-*, орд. *ol-*, даг.К *ol-*, *woal-*, даг.П *ol-*, *woal-*, стп.-м., МА, MNT, ЛР *ol-* 'находить';

общепур. *он* — х.-монг., калм. *он*, орд. *on*, даг.К *хон*, даг.П *бң*, дунс. *хон*, стп.-м. *on*, МА, MNT, ЛР *hon* 'год'.

Как и в случае с предыдущей фонемой, [o] в соседстве с палатализованными и среднеязычными согласными и в позиции перед **i* реализуется в более продвинутом вперед варианте *ö*, в остальных же положениях (в соседстве с увулярными и фарингальным *h*) произносится обычный задний *o* [см.: Поппе 1930а, с. 37; Поппе 1941; с. 6; Бураев 1959, с. 139–140]. Это характерно для всех бурятских говоров. Аналогичное явление отмечалось Б.Я. Владимирцовым у халха-монголов [см.: Владимирцов, с. 158, §89] и монгольскими фонетистами [см.: Мөөмөө 1975а, с. 188; Лувсанвандан 1967, с. 66].

Но баргузинский говор бурятского языка переводит обычно этот общемонгольский исконный **o* в данной позиции перед **i* и среднеязычными и палатализованными согласными в очень мягкий переднеязычный звук *ö*, напр., *мөрin* 'конь', *хөрin* 'двадцать' в.м. лит.-бур. *морin*, *хорin* id. [см.: Раднаев 1965, с. 84], напоминающий калмыцкий *ö* (орф. *ө*), что в некоторой степени сближает баргузинский говор с калмыцким языком (ср. калм. *мөрн* 'конь', *хөрн* 'двадцать'). Такое же *ö* на месте **o* наблюдается в ряде случаев и в языке нижнеудинских бурят, напр. бур.НУ *м'өрiң* 'лошадь' [см.: Дарбеева 1978, с. 64].

Произношение подобного более переднего *ö* и даже *ö* в данной позиции отмечается также в отдельных словах у дархатов, напр. *мөрiң* 'конь' (ср. стп.-м. *morin*), *бөр'ибө* 'жины у малого бедра' (ср. стп.-м. *borbi*) [см.: Санжеев 1931, с. 8–9, 55, 57] и, как правило, в монгольских диалектах Внутренней Монголии, напр. *мөр* 'конь', *өрб* 'вечер' (ср. стп.-м. *oroḥi*), *хөрмө* 'подол' (ср. стп.-м. *qorḥui*) [см.: Тодаева 1960, с. 23], *хөр(i)* *хөрi(n)* 'двадцать' (ср. стп.-м. *qorin*), *хон*, *хони*, *хонin* 'овца' (ср. стп.-м. *qonin*) [см.: Руднев 1913, с. 147], *тол* 'зеркало' (ср. стп.-м. *toli*) [см.: Кара 1970, с. 242].

Если обратиться к сравнительному материалу, то увидим:

общепур. *хорin*, барг. *хөрin* — х.-монг. *хорь*, калм. *хөрн*, стп.-м. МА *qorin*, MNT *horin*, даг.К *хор'*, даг.П *хор'иң*, в диалектах Внутренней Монголии *хөр(i)*, *хөрi(n)* 'двадцать';

общепур. *морin*, барг. *мөрin*, бур.НУ *м'өрiң* — х.-монг. *морь*, калм. *мөрн*, стп.-м., МА *morin*, MNT *morin(n)*, даг.К *мор'*, даг.П *мор'~мор'и*, мог. *mori*, в диалектах Внутренней Монголии *мөр*, дарх. *мөрiң* 'конь'.

В ряде бурятских говоров исследователями отмечается своеобразное оканье: произнесение нормального *o* на месте исконного общемонгольского гласного **u*. Так, Д.А. Алексеев пишет, что в селенгинско-ивол-

гинском диалекте (по его классификации и терминологии. — В.И.) встречается чередование *о* — *у*: *оһон* — *уһан* 'вода' (см.: Алексеев, с. 83). Э.Р. Раднаев говорит о наличии звука *о* на месте *у* в цонгольском говоре: "Характерную фонетическую особенность исследуемого говора составляет оканье. Оно особенно заметно в речи кударинских и кяхтинских бурят, например: *осо* 'вода' (лит. *уһан*), *ходок* 'колодец' (лит. *худаг*), *орто* 'длинный' (лит. *ута*), *соктоо* 'вместе' (лит. *сугтаа*) и т.д. Оканье наблюдается и в селах Селенгинского аймака (Ноехон, Убур-Дзокуй и др.): *тогол* 'теленки' (лит. *тугал*), *толого* 'подпорка, упор' (лит. *тулга*) и т.п." [Раднаев 1960, с. 130].

На спорадическое оканье в языке хоринских бурят обратил в свое время внимание Г.Д. Санжеев, который писал по этому поводу следующее: "В некоторых словах хоринского говора мы встречаем гласный *о* вместо *у*, например: *ото* вместо *ута* — длинный, *тодохо* вместо *тудаха* — попадать. Как известно, подобное явление имеет место в цонгольском говоре, а также, как нам сообщили, в говоре мухор-шибирцев. В результате этого иногда получаются омонимы..., например: *тодохо* — в хоринском говоре и 'попадать' (в других говорах — *тудаха*) и 'подставлять', *ото* — и 'длинный' (в других говорах — *ута*) и 'совсем' (например, *ото*, *таһа мартаба* — совсем забыл). Следует заметить, что подобное явление наблюдается в весьма редких случаях и не во всем хоринском аймаке (в Еравне мы его не наблюдали)" [Санжеев 1939, с. 13].

Аналогичное явление замечено Л.Д. Шагдаровым и в тугнуйском подговоре хоринского говора: "Под влиянием селенгинского диалекта в тугнуйском говоре в абсолютном начале и в первом слоге слова развилось оканье вместо общебуряцкого уканья: тугн. *оһон*, агин. *уһан*, лит. *уһан* (вода), тугн. *онохо*, агин. *унаха*, лит. *унаха* (садиться на коня), тугн. *х'оруу*, агин. *х'уруу* (иней). Первослоговой звук *о* ассимилирует краткие гласные последующих слогов и долгий звук *а*: тугн. *тогол*, лит. *тугал* (теленки), тугн. *оргомол*, лит. *ургамал* (растение), тугн. *оноод*, лит. *унаад* (сев на коня), тугн. *оһоор*, лит. *уһаар* (водой). Оканье в этом говоре носит регулярный характер. В собственно хоринском и агинском говорах, а также в говорах добайкальского и прибайкальско-саянского диалектов оно отсутствует и потому не отражается в литературном языке" [Шагдаров 1968, с. 156].

В связи с этим нам кажется небезынтересным указание Б.Я. Владимирцова о довольно открытом характере фонемы [y] в халхаском языке: "Акустически халхаское *у* производит впечатление звука среднего между *о* и *у*. Многие русские и другие европейцы, а буряты в большинстве случаев, халхаское *у* воспринимают как *о*. Это халхаское заднее *у* можно обозначать посредством *у́*..." [Владимирцов, с. 159]. Можно предположить, что поскольку цонголы и часть селенгинских бурят (сартулы) являются исторически выходцами из Монголии и представляют собой по сути дела монгольские племена, начинающие обурячиваться [см.: Цыдендамбаев 1972, с. 231–247; Будаев 1977, с. 32; Будаев 1978, с. 16–17], явление оканья, как раз и отмечающееся у них и связанных с ними соседством тугнуйских бурят, могло появиться как остаточное явление монгольского произношения фонемы [y] в широ-

ком варианте, близком акустически к *о*, о чем и писал Б.Я. Владимирцов.

Кроме того, появление *о* на месте *у* наблюдается спорадически и в других бурятских диалектах, кроме названных выше, например:

каб. *болжомор* — лит. *булжамар* 'жаворонок'; тунк. *боро* — лит. *бур* 'глина'; разг. *уюун* — лит. *оюун* 'ум, разум'; булаг. *хошохо* — лит. *хушаха* 'закрывать, запирает'; барг. *горогор* — лит. *гурагар* 'стройный, длинный'; барг. *одигон* — лит. *удаган* 'шаманка'; барг. *хотиго* — лит. *хутага* 'нож'; эхир-булаг. *йоргоон* — лит. *зургаан* 'шесть'.

Необходимо отметить и появление *о* в самом литературном бурятском языке, представляющем в этих словах общебурятскую форму, на месте *у* других монгольских языков, например:

бур. *можно* — х.-монг. муж. олёт. [Ramst. KW] *mudž*, опд. *mudž*, стп.-м. *muji* 'область, провинция';

бур. *номо* (н) — х.-монг. нум (ан), олёт. *numr*, дербет. *номн*, опд. *num*, стп.-м. *numun*, МА *numun*, MNT *numu(n)* 'лук — оружие', лит.-калм. *нум* 'смычок';

бур. *гоншохо* — х.-монг. *гунших*, калм. *һунших*, *һуних*, стп.-м. *гунг-сиу* 'говорить в нос, гнусавить', МА *гунгина* 'жужжать, греметь';

бур. *номо* (н) — х.-монг. *сум* (ан), олёт. *torгут*, *sumr*, дербет. *сомр* [Ramst. KW], даг. *K som* 'стрела; пуля', стп.-м. МА *sumun*, MNT *sumu(n)* 'стрела';

бур. *сомон*, *һомон* — х.-монг. *сум* (ан) 'административная единица сомон', олёт., торгут. [Ramst. KW] *sumr* 'округ', стп.-м. *sumun* 'административная единица';

бур. *шолмо*, *шолмос* — х.-монг. *шулмас*, калм. *шулм*, стп.-м. *šilmu-su*, *šimnušu* 'черт, дьявол'.

Из других монгольских языков появление *о* на месте *у* наблюдается также в калмыцком языке, в частности в дербетском говоре, для которого произнесение *о* вместо торгутского *у* является одним из дифференцирующих признаков, напр.: дербет. *совсын* — торгут. *сувсын* 'жемчуг', дербет. *ховцын* — торгут. *хуэцын* 'одежда', дербет. *хомхээ* — торгут. *хуахаа* 'высохший, бесцветный', дербет. *ховдыг* — торгут. *хувдыг* 'жадный' и т.п. При этом *о* на месте *у* в дербетском говоре отмечается в большом количестве слов перед губными согласными *м* и *в* [см.: Кичиков, с. 26].

Но, пожалуй, наиболее развито оканье в дагурском языке и в монгольских диалектах Внутренней Монголии, где оно пронизывает буквально всю систему вокализма. Так, Н.Н. Поппе пишет о дагурском языке: "Старые **о* и **и* (> мо. *о* и *и*) в большинстве случаев совпали и отражаются как *оа* (в начале слова *woa*) или *о*; изредка письменно-му *и* соответствует *у*" [Поппе 1930, с. 110]. Примеры: даг. *долнд* 'посредли' (стп.-м. *dunda*), даг. *тоалдг* 'столб' (стп.-м. *tulga* 'колонна'), даг. *хоар* 'дождь' (стп.-м. *хара*), даг. *водана* 'упасть' (стп.-м. *уна*), даг. *воалдг* 'подонива' (стп.-м. *ула*), даг. *фос* 'кровь' (стп.-м. *čisun*, х.-монг. *цус*), даг. *болдг* 'совсем' (стп.-м. *bultu*), даг. *оргд* 'вырасти' (стп.-м. *игуи*), *он* 'ехать серхом' (стп.-м. *уну*). Относительно диалектов Внутренней Монголии А.Д. Руднев свидетельствует: "В виде общего правила можно сказать, что письм. ... *у* // вост. *о*" [Руднев 1911 с. 191]. Далее он

уточняет: "Всем хорошо известна путаница на географических картах, происходящая от смешения говоров: где написания "нор" и "нур", "ола" и "ула" чередуются в полном беспорядке. На месте письм. "у" вост. и южн. (монголы. — В.Р.) имеют "о" (или о), хЗап. и отчасти хУрг. — звук значительно отличается от русского "у" и воспринимаемый русскими зачастую как "о"; хУрг., бур. и калм. имеют у" [Руднев 1911, с.191]. В опыте словаря говоров Внутренней Монголии Руднев почти везде дает о (или о) на месте исконного *и, например: олāн 'красный' (ср. стп.-м. ulayan, бур., х.-монг. улаан), хөдөх 'колодец' (ср. стп.-м. qudduγ, х.-монг. бур. худаг) [см.: Руднев 1911, с. 115, 147].

Д.Кара, также исследовавший некоторые говоры Внутренней Монголии, повсеместно зарегистрировал, например, звук ө на месте *и в языке узумчинов: өлā 'красный' (ср. стп.-м. ulayan, бур., х.-монг. улаан), өл 'подошва' (ср. стп.-м. ula, бур., х.-монг. ула), өг'т 'длинный' (ср. стп.-м. urtu, бур. ута, х.-монг. урт) и т.п. [см.: Кара 1963, с. 38—39]. Звук о в языке джарутов: os 'вода' (ср. стп.-м. usun, бур. уһан, х.-монг. ус), оһг 'причина' (ср. стп.-м. u᠋ᠰᠢᠭ, бур. ушар, х.-монг. учир), огөл 'губа' (ср. стп.-м. uguγul, бур. урал, х.-монг. уруул) [см.: Кара 1970, с. 322—323].

Таким образом, явление оканья не представляет специфику одного бурятского языка, а присуще и другим монгольским языкам. Так, оканье заметно в дербетском говоре калмыцкого языка, а как целостная система представлено в монгольских диалектах Внутренней Монголии и в дагурском языке.

Кроме того, как и в случае с предыдущей фонемой [а], в бурятском литературном языке и ряде говоров имеются слова, в которых нормой является фонема [о], в то время как в старомонгольском, средневековых и некоторых современных монгольских языках на месте этого бурятского [о] либо сохраняется гласный *и, еще не подвергшийся перелому, либо представлен гласный другого качества, например:

общебур. шоно — х.-монг. чоно, калм. чон, орд. tšono, баоан. чэна, мог. činō, стп.-м. činu-a, MA činā, MNT činō, SG čino, ЛР čanā 'волк';
общебур. шоро — х.-монг. калм. шор, орд. šoro 'заостренная палочка, вертел', даг. К šor 'сенные вилы', стп.-м. širu, MA šira, MNT širo 'вертел';

общебур. ёро (joro) — х.-монг., калм. ёр, орд. joro, стп.-м. iγu-a 'дурное предзнаменование', даг.П ipō 'благопожелание';

общебур. жолоо — х.-монг. жолоо, калм. жола, орд. džilō, даг.К žolo, d'ilo, стп.-м. jiluγa, MNT jilō'a~jilu'a, ЛР jilawu 'поводья';

общебур. жороо — х.-монг. жороо, калм. жора, орд. džitō, даг.Пү'ipō, даг.К žoro, мог. žigō, стп.-м. jiguγa 'иноходец';

зап.-бур. жоргоон~ёргоон — вост.-бур., лит.-бур. зургаан, х.-монг. зургаа, калм. зурхан, орд. džurgā, даг.Пү'ipgō (н)~d'ipgō (н), даг.К žorgo, дунс. джыгуан, баоан. джиргэон, мог.М jurghan, стп.-м. jirγuγan, MA jirγān, jirγu'ān, MNT jirhō'an, jirwa'an, SG jirhuγan, ЛР jirγān, jirγān, VMI jirγu'ān 'шесть';

зап.-бур. хотёго — вост.-бур., лит.-бур., хутага, х.-монг. хутга, калм. утх, орд. utaga, дунс. кутаго, баоан. һдогэ, мог. qitqei, стп.-м. kituγa, qutuγa, qutaγa, MA qutuγa, qutuγa, MNT kituḡai, ЛР kituγa, IM kituγa, VMI kiduḡa 'нож';

зап.-бур. одёгон — бур.НУ идазан, вост.-бур., лит.-бур., х.-монг. удаган, калм. удһн 'шаманка', орд. udagan 'повивальная бабка', даг.П jaḡḡaḡ~jaḡḡaḡ 'шаман', стп.-м. iduγan, udayan 'шаманка'.

Такой разнотой в употреблении о, у и и в монгольских языках и бурятских говорах свидетельствует о неравномерности процесса перелома *и не только в разных монгольских языках, но и в разных бурятских говорах.

[у] — общебурятская фонема, употребляющаяся в твердоядных словах. В бурятском языке в данной позиции она представляет исконную общемонгольскую фонему *и, например:

бур. хурдан — х.-монг. хурдан, калм. хурдн, орд. xurdun, стп.-м. MA qurdun, MNT ḡurdun (ḡurdun), даг.К xurdu, xurdun 'быстрый';

бур. улаан — х.-монг. улаан, калм. улан, орд. ulān, стп.-м. ulayan, MA hulān, hula'an, MNT hula'an, даг.К xulān, ulān, даг.П улāн 'красный';

бур. уя- — х.-монг. уя-, калм. уй-, орд. uja-, стп.-м. uya-, MA, MNT huγa-, даг.К xija- 'привязать'.

В бурятских говорах наблюдается в ряде случаев появление у на месте гласных о или а, напр.: тугн. уран 'кровать' — лит.-бур. орон, х.-монг. ор(он), стп.-м. orun 'кровать; место', MA oγan 'место'; тугн. пулааги — агинск. палаати, лит.-бур. плаати 'платье'; тугн. пулааха — агинск., лит.-бур. палааха 'пол'; эхир-булаг. дубуун — лит.-бур. добуун, х.-монг. довуу 'бугор, возвышенность'; эхир-булаг. шургалзан, барг. шургалжан — лит.-бур. шор:должон, х.-монг. шоргоолж, стп.-м. širγuljin 'муравей'; барг. зубалга — лит.-бур. зоболго, х.-монг. зовлого, стп.-м. jobaḡa 'тощее мясо'; барг. хулагу'ан — лит.-бур. холтоһон, х.-монг. холтос, стп.-м. qoltusun 'кора'; барг. хумигар — лит.-бур. хомигор 'узкий; приплюснутый'; барг. хуршаганаха — лит.-бур. хоршогонохс 'шуметь, тарыхтеть'.

Появление звука у на месте о наблюдается и в других монгольских языках, например:

орд. mudu, MNT mudun~modun — стп.-м., MA, SG modun, даг.К mod, modo, даг.П мдд, х.-монг. мод, бур. модон, калм. модн 'дерево';

орд. udu — стп.-м., SG ᠋ᠳun, MA, MNT hodun, х.-монг. од, бур. одон, калм. одн, даг.К хөд, хөD, даг.П од~оддд 'звезда';

орд. sungu, калм. суңһ- — стп.-м. songyu-, MNT so'onghu-, даг.К соң-го-, даг.П соңгб-, х.-монг. сонго-, бур. һонго- 'выбирать';

орд. gulumta, зап.-бур. гуламта, калм. һулмт~һолмт — стп.-м. γolumta, MA γolumtan, MNT ḡolumta, х.-монг. голомт, бур. голомто 'очаг';

монгор. урō- — стп.-м. oru-, MA ora-, MNT oro-, ЛР or-, бур. оро-, х.-монг., калм. ор-, орд. oro-, даг.К waru- 'входить';

монгор. суносе- — стп.-м. sonus-, MA sonas-, MNT, SG sonos-, бур. сонос-, х.-монг. калм. сонс-, орд. sonos-, даг.К sonso- 'слышать';

монгор. хуло — стп.-м., MA, ЛР qola, MNT, SG hola, бур. холо, х.-монг., калм. хол, орд. xolo, даг.К хөл, хөлo 'далеко; далекий'.

В бурятском языке в ряде слов почти во всех говорах представлен у на месте звука о других монгольских языков, например:

бур. булад — х.-монг. калм. болд, орд. bolod, стп.-м. bolud 'сталь';

бур. булар — х.-монг. болор, калм. болр, стп.-м. bolur, SG болор 'хрусталь';

бур. улам — х.-монг. олом, олон, калм. олн, стп.-м. olung, МА, MNT olang, ЛР olan 'подпруга седла';

бур. суранзан — х.-монг. соронз, калм. сорнц, стп.-м. sorunja 'магнит'; бур. угаа — х.-монг. огоо, качуг. огоо, стп.-м. огу 'очень';

бур. улам — х.-монг. олом, олёт. [Ramst. KW] olm, стп.-м. olum 'брод'; лит.-калм. улм 'топь, болото';

бур. улхан — х.-монг. олс, калм. олсн, стп.-м. olusun, даг.К олс, олсо 'конопля';

бур. унги 'обух топора' — х.-монг. онги, стп.-м. onggi, калм. [Ramst. KW] ong', лит.-калм. онг 'проушина, отверстие в топоре для ручки';

Появление у на месте о здесь можно объяснить ассимилирующим воздействием последующего исторического *и в этих словах, но не во всех случаях. Есть переходы о в у и при наличии последующих неогубленных гласных, что необходимо объяснить другими причинами. Во всяком случае уканье не является спецификой бурятского языка, оно захватывает ордосский и монгорский языки, встречается в калмыцком языке и в языке "Сокровенного сказания монголов".

Кроме того, фонема [y] появляется в бурятском языке, как и в других современных монгольских языках, на месте исконного *i в результате его перелома. Причем в некоторых словах у на месте *i представлен уже в средневековых монгольских языках, в старописьменном же языке в этих словах везде i. Примеры:

бур. шуһан — х.-монг. цус, калм. цусн, орд. džusu, даг.П ч'ос~ч'ос, даг.К čos, čoso, čös, дунс. чусун, баоан. čисон, мог. čusun, стп.-м., МА, ЛР čisun, MNT cisu(n), SG cisun 'кровь';

бур. шулуун — х.-монг. чулуу, калм. чолун, орд. tšilü, даг.П ч'оло, даг.К čolo, стп.-м. čilayun, MNT čila'un, čilao'un, SG čilahun 'камень';

бур. шубуун — х.-монг. шувуу, калм. шовун, орд. šiwü 'птица', даг.П шово 'ловчая птица', даг.К šowö 'ястреб', стп.-м. šibayun, МА 'šiba'un, MNT šubao'un, SG šibahun, ЛР šibawun 'птица';

бур. хюмһан (x'umhǎŋ) — х.-монг. хумс, калм. хумсн, орд. xumusu, даг.П k'imǐč~k'imǐč~k'im'č'č', даг.К kimč'i, дунс. гымусун, баоан. гомсон, мог. qimsun, стп.-м. kimusun, МА qimusun, MNT kimusu, SG kimusun, ЛР qimusun 'ногти';

бур. нударга (n'udlǝrǝ) — х.-монг. нударга, калм. нудрһ, орд. nudurǝ, даг.К n'adargu, стп.-м. nidurǝ, МА nudurǝ, SG nudurǝ 'кулак'.

[э] — мягкорядная фонема, встречающаяся во всех бурятск. х. говорах. Ее произношение в бурятском языке заметно отличается от произношения соответствующей фонемы халха-монгольского и калмыцкого языков. Так, в монгольском и калмыцком языках орфограмма э представляет собой фонему, обозначаемую в фонетической транскрипции знаком "е", — открытый гласный переднего ряда 4-й степени подъема [по классификации акад. Л.В. Щербы, см.: Зиндер, с. 204, 210], напоминающий русское э в слове это. Бурятская же орфограмма э передает фонему, отличающуюся от монгольской-калмыцких тем, что произносится несколько закрыто и при оттянутом назад языке, т.е. это звук 4-й степени подъема, но не переднего, а смешанного ряда, обозначаемый в фонетической транскрипции знаком "э" [по классификации акад. Л.В. Щербы, см.: Зиндер, с. 204, 214]. Эта существенная разница в ар-

тикуляции и придает бурятской фонеме [э] тот своеобразный акустический эффект, благодаря которому бурятская речь резко отличается от монгольской и калмыцкой даже в тех случаях, когда в произносимых словах отсутствуют другие дифференцирующие эти языки признаки. Например: слово энэ 'это' по-бурятски произносится как энэ, по-монгольски же — епё, в калмыцком языке эн 'это' произносится как эн; по-бурятски эмээл 'седло' произносится эмэ:л, по-монгольски — еп:л, по-калмыцки эмэл звучит как еп'ә:л и т.п.

Таким образом, наличие смешаннорядного "э" вместо переднерядного "е" можно считать одним из дифференцирующих признаков наряду с һ, ш, ж, с, отличающих бурятский язык от монгольского и калмыцкого. Этот бурятский звук "э" акустически близок к русскому ы или к тюркскому смешанному ы и отличается от них только своим более открытым характером. Не случайно поэтому, когда приходится передавать бурятские слова средствами русской орфографии, то бурятский звук "э" (графическое э) почти всегда обозначают буквой ы. Например, бурятские личные имена типа Дэлэг, Гэлэг, Сэдэб (~Цэдэб) пишут по-русски Дылык, Гылык, Цыдыл. Особенно закрытый характер носит фонема [э] в речи западных бурят, почти приближаясь к ы.

Звук "э" бывает только кратким, в случае долготы произносится обычный переднерядный "е": например: тэрэ (tɜɜ) 'тот', хэлэ (xɛlɛ) 'сказка' но тээ тэрэ (te: tɜɜ) 'вон тот', хэлээ (xɛle:) 'сказал'.

Может быть, поэтому А. Орлов, автор одной из первых грамматик бурятского разговорного языка, выпущенной в 1878 г., писал о произношении бурятского э: "Все гласные звуки и особенно звук Э могут быть произносимыми как Ы, и тем чаще, чем грубее вообще произношение бурятское, как например — кударинское, ольхонское, хоринское. Так, слова книжно-монгольского языка: хуварак послушник, ороху входить, унаху. падать, эхэ мать, гэрэл луч, гэр дом, бий есть — нередко выговариваются: хубырык, орохы, уныхы, ыхы, гырыл, гыр, бый" [Орлов, с. 1–2]. Некоторые современные бурятоведы в своих диалектологических работах тоже иногда обозначают эту фонему знаком ы, как, например, А.А. Дарбеева при подаче отдельных материалов по говору нижеудинских бурят. Так, при публикации одной сказки на нижеудинском бурятском говоре она широко вводит в свою транскрипцию знак ы, соответствующий фонеме [э]. Например, она пишет: Ыкы ысыгынь мытчи б'эана (ср. лит.-бур. Эхэ эсэгынь мэдэжэ байна 'Родители это знают' [см.: Дарбеева 1974, с. 92]. В другой работе А.А. Дарбеева сообщает о гласном е у нижеудинских бурят: "Гласный е... произносится как нечто среднее между русск. э и ы ... Специфика гласного е в НУД заключается в том, что он акустически близок к русскому безударному ы" [Дарбеева 1978, с. 33].

В позиции после j (йот), шипящих согласных ш и ж, а также перед палатализованными согласными фонема [э] обычно реализуется в более закрытом варианте, приближающемся акустически к "i" или даже к "i'". Так, слова ерэхэ 'приходить', жэл 'год', шэнэ 'новый', эдихэ 'кушать, есть', энэхэ 'смеяться' и т.п. произносятся обычно как jɪxɛ, žil, šinɛ, id'ixɛ. Среди окинских бурят у лиц, недостаточно знающих нормы правописания литературного бурятского языка, нам приходилось даже наблюдать

написание подобных слов с *и* вместо *э*, напр.: *идихэ* (вм. *эдихэ*), *инэ-эхэ* (вм. *энеэхэ*), *йирхэ* (вм. *ерэхэ*) и т.п.

На особый характер бурятского краткого *э* и близость его к *ы* и *и* указывали в свою время также А. Руднев для хоринского говора [см.: Руднев 1913, с. II, XXII], Н.Н. Поппе для аларского. Оба они обозначали этот звук одним и тем же знаком *ε*, отличая его от более открытого *е*.

Поппе писал: "Знаком ϵ обозначается $\frac{\text{high}}{\text{mid}}$ = out back-wide. Встречается он только в качестве нормального или редуцированного (в последнем случае ϵ) и никогда не бывает долгим. Этот звук не что иное, как более задний *е*. Его часто пытались передавать знаком *ы*, но в действительности это совсем другой звук. Он является общим для всех бурятских говоров, а также для дагурского наречия, где он часто произносится с легкой лабиализацией (т.е. ϵ). Из родственных монгольскому языков этот гласный встречается еще в тунгусских говорах" [Поппе 1930а, с. 38].

Об особом характере бурятского и дагурского ϵ [см.: Поппе 1930, с. 105–107] и отличии его от монгольского и калмыцкого *э* кроме Н.Н. Поппе писал также Г.Д. Санжеев: "е — нелабиализованная полуузкая гласная фонема, наличная во всех монгольских языках и диалектах, в которых она реализуется самым различным образом: 1) в дагурском языке и в бурятском диалектах — это звук преимущественно среднего ряда, но под влиянием главным образом соседнего *и* становящийся гласным более переднего ряда и часто приближающийся к узкому *и*, что в транскрипции обозначается знаком ϵ ; 2) в халхаском и ойратских диалектах — это гласный переднего ряда, комбинаторно становящийся (в халхаских говорах) узким. Таким образом, эта фонема сильно подвержена различным комбинаторным изменениям, что в монголоведческой лингвистической литературе отмечается знаком ϵ (лабиализованный, наличный в дагурском языке), ϵ (нелабиализованный, наличный в дагурском языке и в бурятских диалектах, акустически близкий к русскому безударному *ы*), *э*, *е*, ϵ , ϵ " [Санжеев 1953, с. 73].

В бурятском языке, как и в дагурском, появление звука *э* особой артикуляции, отличной от других монгольских языков и сопоставляемой с артикуляцией соответствующего гласного тунгусских говоров, можно, нам кажется, объяснить именно тунгусо-маньчжурским влиянием, так как для тунгусо-маньчжурских языков как раз и характерно подобное произношение звука *э* (в них, кстати, он тоже гласный смешанного ряда), бывающего подчас даже огубленным [см.: Циншиус, с. 39; Константинова, с. 14]. Такой же характер звука *е* отличается Дьрдем Кара и в языке джарутов во Внутренней Монголии [см.: Кара 1970, с. 241].

Таким образом, в свете вышесказанного об особой артикуляции бурятского звука "з" и его отличия от монгольского и калмыцкого "е" нам представляется не совсем правомерным обозначать его как "е" [см. Бураев 1959, с. 145; Бураев 1975, с. 24–25], затушевывая специфику данной бурятской фонемы как звука смешанного ряда.

В бурятском языке наблюдаются три основных пути появления фонемы [э] в 1-м слоге:

1. Бурятское [э] регулярно появляется на месте исконного общемонгольского *е, например:

бур. энэ — х.-монг. энэ, калм. эн, орд. ене, даг.П ϵ н~ ϵ нэ, Даг.К еп, мог. епá, стп.-м., МА, ЛР, MNT ене 'этот, эта, это';

бур. нэрэ — х.-монг. нэр, калм. нер, нерн, даг.П нёр, даг.К нег, орд. неге, мог. негá, стп.-м., МА, ЛР, MNT неге 'имя';

бур. эхэ — х.-монг. эх, калм. эх, даг.П ϵ э~ ϵ а~ ϵ э, Даг.К еге~егэ~ ϵ у, орд. е^кхе, стп.-м., МА, ЛР, MNT еке 'мать';

бур. эмээл — х.-монг. эмээл, калм. эмал, даг.П ϵ мээл, даг.К, орд. emél, мог. emól, монгор. imier, стп.-м. emegel, МА, ЛР, ИМ emél, MNT eme'el 'седло'.

2. В подавляющем большинстве случаев в мягкорядных словах на месте общемонгольского *i в бурятском языке появляется фонема [э], хотя и в более закрытом варианте. Переход общемонгольского *i в более широкий звук *е* отмечается также как характерная особенность языка монголоязычных шира-югуров (желтых уйгуров. — В.Р.) [см.: Тодаева — Тенишев, с. 48]. Примеры:

бур. эди- (3d'i~id'i), ш.-юг. еде- — х.-монг. идэ, калм. ид, даг.К id-, орд. ide-, мог. idá-, монгор. ide-, стп.-м., МА, MNT ide-, ЛР id- 'есть, кушать';

бур. ерэ- (jɛɛ~jɛɛ), ш.-юг. ери- — х.-монг. ирэ, калм. ир-, даг.П ϵ р~ ϵ р-, даг.К ir-, ire-, орд. ire-, монгор. re-, стп.-м., МА, MNT ire-, ЛР ir- 'приходить';

бур. ишэ- (ʃɛɛ~ʃɛɛ), ш.-юг. ече- — х.-монг. ичи-, калм. ич-, даг.К ϵ ше-, орд. itši-, стп.-м. iči-, МА, ЛР hiči-, MNT hiče- 'стыдиться, стесняться';

бур. шэлэ (ʃɛlɛ~ʃɛlɛ), ш.-юг. шел — х.-монг. шил, калм. шил, орд. ši-li, стп.-м. šili 'стекло'.

Видимо, под влиянием звука *е* второго слога в монгольском слове nigen 'один' (ср. стп.-м. nigen, ЛР, SG nigen, MNT nikan 'один') в первом слоге почти во всех современных монгольских языках появился широкий *е*: бур. нэгэн, х.-монг. нэг, калм. негн, орд. nege, даг.К nek, пеG, nege, баоан. нэгэ, ш.-юг. nege id. и только в отдельных современных языках этот *i в данном слове сохраняется: монгор. nige, дунс. нб, мог. nikán 'один'.

Кроме того, в ряде языков наблюдается переход *и* в *е* в слове *ki- 'делать': бур. хэ-, калм. ке-, баоан. кэ-, мог. ki~ke. В других же языках этот *и* сохраняется: монгор. gi-, орд. kī-, х.-монг. хий-, джарут. hī-, даг.К ϵ и-, даг.П к^ти-, дунс. kiэ, МА, ЛР, стп.-м. ki- 'делать'.

3. В некоторых бурятских говорах наблюдается также появление [э] в тех случаях, где в других говорах и в литературном бурятском языке, а также в прочих монгольских языках представлен гласный $\bar{u}$ или $\bar{o}$, например:

тунк. бэлэ- — лит.-бур. булэ-, х.-монг. були-, калм. бул-, стп.-м. būle-, NBT bule- 'сбивать кумыс, масло';

тунк. бэлэ, агинск. бэлэ//булэ, даг.П б^тэсэ~б^тус — х.-монг. бус, лит.-бур. булэ, калм. бус, даг.К bós, bos, орд. buse, монгор. pudzē, стп.-м. MA büse, MNT buse 'пояс, кушак';

барг. мэн 'опять, тоже', качуг. мэн даа 'то-то' — лит.-бур. мун, х.-монг. мөн, калм. мөн, стп.-м. mōn 'да; правильно, действительно; есть, является';

2. Зак. 780

барг. бэри 'очень', качуг. бэрэ 'совсем не' — лит.-бур. бури, х.-монг. калм. бур, стп.-м. бүг 'каждый'.

Но в единичных словах это [э] может быть и наследником исконного *е, в то время как в других монгольских языках, а также в других бурятских говорах и литературном бурятском языке на месте *е развились огубленные ö или ü, например:

тунк. мэшэн, эхир-булаг. мэшэн, тугн. мэшэн 'звезда' — лит.-бур. мшэн, стп.-м. mešin 'звезда, звезды', калм. мөшн одн 'хвостатая звезда-комета';

тунк. эбшэн~убшэн — лит.-бур. убшэн, х.-монг. өвч, калм. өвч стп.-м. ebedšin 'болезнь'.

Первоначальный *е сохраняется в этом случае не только в бурятских говорах, но и в дагурском языке (даг.К ewde-, даг.П ёүдө- 'болеть' монгольском (ebätuna 'болит'), джарутском (ew šin 'болезнь').

[ө] — центральнорядная слабоогубленная фонема, встречающаяся лишь в некоторых бурятских говорах. В литературном языке является диалектным вариантом фонемы [у]. Г.Д. Санжеев так, например, писал об этой общемонгольской фонеме: "ö — гласный среднего ряда, полулабиализованный, полуширокий; имеется во всех монгольских языках и диалектах, кроме ойратских; в бурятском языке, кроме некоторых говоров, этот гласный в качестве самостоятельной фонемы уже не фигурирует, оказавшись вариантом фонемы у" [Санжеев 1953, с. 72—73].

Однако фонема [ө], судя по диалектологической литературе, как самостоятельная представлена в следующих бурятских говорах:

а) тункинском — өдөр 'день', мөнгөн 'деньги', дөшөн 'сорок', эрөөһөн 'дикая коза' (ср. соответственно лит.-бур. үдэр, мүнгэн, душэн гүрөөһэн) [см.: Абашеев, с. 6—7];

б) аларском — өдөр 'день', өргө- 'поднять' (но үргэ- 'пугаться — о коне'), хөл 'нога', өбөл 'зима', өбөөһөн 'трава' (ср. соответственно лит.-бур. үргэ- 'поднять', үргэ- 'пугаться', хул, убэл, үбһэн) [см.: Поппе 1930, с. 43—44];

в) окинском — өбэл, өвэл, өбөл 'зима', өрэккэ 'поднять' (но үрэлкэ 'испугаться' — о коне), хөрэккэ, хөрөккө 'заморозить' (но хурэккэ 'доставить, проводить'), хөрөнгө 'закваска', өтхөн 'густой', шөрмөһөн 'схожилие' (ср. соответственно лит.-бур. убэл, хургэхэ 'заморозить', хургэхэ 'доставить, проводить', хурэнгэ, үдхэн, шүрбэһэн) [наши собственные правые записи];

г) боханском (только у обусинских бурят) — өнтэлэг 'конопля', дөлэн 'пламя' (ср. соответственно лит.-бур. үлэнэг~унтэлэг, дүлэн) [см.: Хомонов 1965, с. 41];

д) нижнеудинском — өдөр 'день', көкө 'синий', көкшөө 'старый', өргөң 'широкий' (но үргөң 'челюсть'), өркө 'труба дымоходная' (но үркө 'потирать'), өлгө 'зыбка' (но үлгө 'повесил'), өншөө 'сирота', өбөр 'рог' (ср. соответственно лит.-бур. үдэр, хухэ, хугшэн, үргэн 'широкий', үргэн 'челюсть', урхэ 'дымоходное отверстие', үлгы 'зыбка', үлгээ 'повесил', уншэн 'сирота', үбэр 'рога') [см.: Дарбеева 1978, с. 31—32]. При этом по нашим наблюдениям и по свидетельству А.А. Дарбеевой [см.: Дарбеева 1978, с. 31, 183] гласный ö нижнеудинского говора акустически напоминает таковой калмыцкого языка, который является, как

нижнеудинский, гласным переднего ряда [см.: Павлов, с. 26], а не центрального, как в других бурятских говорах и халхаском языке. Но в то же время переднеязычный характер бур.НУ ö нельзя объяснить и тюркским влиянием, поскольку непосредственные тюркоязычные соседи нижнеудинских бурят тофалары, с которыми у них были тесные контакты [см.: Дарбеева 1978, с. 13—14], имеют в своем языке соответствующий гласный "ö" не переднего, а центрального ряда, такой же, как у халха-монголов и у остальных бурят [см.: Рассадин 1971, с. 17—18]. Следовательно, нижнеудинцы либо сохраняют древний характер произношения *ö, либо это остаток ойратского влияния, устанавливаемого для них [см.: Цыдендамбаев 1975, с. 319—320];

е) баргузинском — өгө 'дай', но үгэ 'слово' (лит.-бур. үгэ 'дай' и үгэ 'слово'), нөхөд 'друзья' (лит.-бур. нухэд) [см.: Раднаев 1965, с. 83];

ж) эхирит-булагском — дөрбөн 'четыре', хөл 'нога', бөхө 'крепкий, силач' (ср. лит.-бур. дүрбэн, хул, бүхэ) [см.: Матхеев 1968, с. 5];

з) качугском — өрө 'дыхательное горло' — үрэ 'долг; дитя', өһөө 'месть' — үнээ 'потолок', хөргөхө 'заморозить, застудить' — хургэхэ 'проводить' [см.: Митрошкина 1968, с. 49];

и) хамниганском — өкө 'давать', нөхөр 'товарищ', өдөр 'день' өцөгөлдөр 'вчера', көнджилө 'одеяло', цөмөгө 'берцовая кость', гөлөгө 'щенок' [см.: Дамдинцов 1968, с. 80] (ср. лит.-бур. үгэхэ, нухэр, үдэр, үсэгэлдэр, хунжэл, сэмгэн, гулгэн).

В других же говорах — хоринском, сартульском, цонгольском — всегда выступает [у], при этом [ө] является лишь произносительным вариантом этой фонемы [см.: Бураев 1959, с. 153; Бураев 1965, с. 121, 125—126; Будаев 1965, с. 155]! Таким образом, западные бурятские говоры удерживают [ө] как фонему.

Исторически можно объяснить появление [ө] в бурятских говорах в следующих случаях:

1. Фонема [ө] — наследница исконной монгольской фонемы *ö, например:

зап.-бур. өгө- — лит.-бур. үгэ-, х.-монг., калм. өг-, орд. өг-, даг. Kuku-, ukku-, даг.П үг-~ү'к-, дунс. ogi-, баоан. окэ-, стп.-м. öggü-, МА, ЛР. ög-, MNT ok-, SG ök- 'давать';

зап.-бур. хөл — лит.-бур. хул, х.-монг. хөл, калм. көл, орд. көл, даг.П к'ул~к'ул'и, монгол. kuol, мог. köl, стп.-м., МА köl, MNT kol 'нога';

зап.-бур. дөрбөн — лит.-бур. дүрбэн, х.-монг. дөрөв, калм. дөрв, орд. dörwö, даг.К dur'B, dur'b, даг.П дүрwө(ң) монгол. diëran, мог. durbön, стп.-м., ЛР dörben, MNT dorben 'четыре'.

2. Фонема [ө] появилась на месте исконной древней фонемы *е. Главным образом это произошло в тех случаях, где в последующем слоге был исконный *ü, который и дал огубление предыдущему *е. Иначе говоря, произошел "перелом" гласного *е, аналогично тому, как это было с *i. Примеры:

зап.-бур. өдөр день — лит.-бур. үдэр, х.-монг. өдөр, калм. өдр, даг.К udur, даг.П үдүр, орд., мог. uduar, монгол. udur, дунс. уду, баоан. үдэ(р), стп.-м. edür, МА, ЛР ödür, SG üdür, MNT udur 'день';

зап.-бур. төмөр, х.-монг. төмөр, калм. төмр, даг.П түмүр, джарут. te-met, баоан. тэмэр, стп.-м., МА, ЛР temür, MNT, SG temur 'железо';

зап.-бур. *өбөһөн* — лит.-бур. *убһэн*, х.-монг. *өвс*, калм. *өвсн*, ор. *öwös*, даг.К *euse*, даг.П *ёус*, джарут. *uws*, монгор. *wesg*, мог. *ebesün* стп.-м. *ebesün*, *ebüsün*, МА, ЛР, SG *ebesün*, MNT *ebesün* 'трава'.

3. В хамниганском говоре [см.: Дамдинов 1968, с. 91, 92; Шагров — Дамдинов, с. 40], в эхирит-булагатском [см.: Матхеев 1968, с. 5] а также в боханском [см.: Алексеев, с. 91] исследователями отмечается появление звука *ө* на месте *э* там, где во всех остальных говорах монгольских языках *э* сохраняется, например:

хамниг. *өмөөл* — лит.-бур. *эмэл*, х.-монг. *эмэл*, калм. *эмал*, даг. *ёмёл*, мог. *emöl*, орд., МА, ЛР, ИМ *emöl*, MNT *eme'el*, стп.-м. *emegel* 'седло';

хамниг. *өмөгөө* 'бабушка' — лит.-бур. *эмгэн*, х.-монг. *эмгэн*, калм. *эмгн*, орд., стп.-м. *emegen*, MNT *emege* 'старая женщина, старуха', даг. *emhe*, *emih*, даг.П *ёмёг* 'жена';

хамниг. *өгөм* — лит.-бур., х.-монг. *эгэм*, стп.-м. *egem* 'ключица', калм. ЛР *egem* 'плечо';

бох. *дөлөнөн* — лит.-бур. *дэлэнэн*, х.-монг. *дэл*, калм. *дел*, стп.-м. *S del* 'грива';

бох. *өлөнөн* — лит.-бур. *элэнэн*, х.-монг. *элс*, калм. *элсн* стп.-м. *elesü* SG *elesun* 'песок';

эхир.-булаг. *шөнөһө* — лит.-бур. *шэнэнэн*, х.-монг. *шинэс*, стп.-м. *nesün* 'лиственница';

эхир.-булаг. *зөмөлхө* — лит.-бур. *зэмэлхэ*, х.-монг. *зэмлэх*, калм. *зем* стп.-м. *jemelekü* 'обвинять'.

Как уже говорилось выше, огубленный характер гласного *э* характерен для дагурского языка [см.: Поппе 1930, с. 105–107] и для языка джарутов во Внутренней Монголии [см.: Кара 1970, с. 241], также огубление *е* как характерная черта отмечается и у монгольских хамниган [см.: Мишиг, с. 192].

Нам представляется, что появление *ө*, являющегося огубленным звуком, произносимым с той же ротовой артикуляцией, что и звук *э* в этих словах в других бурятских говорах, правомерно объяснить влиянием тунгусо-маньчжурских языков, особенно эвенкийского, с которым у хамниган отмечаются тесные связи [см.: Дамдинов 1968, с. 75, 76; Мишиг, с. 186–189]. Проживание в прошлом в Приангарье эвенков, а по Лену обитание их и поныне, также не могло не отразиться на языке западных бурят. Отголоском этого влияния и могло явиться огубленно произношение в ряде случаев звука *э*. Возможно, что это проявление эвенкийского субстрата у ононских хамниган, как считает Ц.Б. Цыдендамбаев [1978, с. 91].

[*y*] — общебурятская узкая сильноогубленная центральнорядная фонема. Встречается, как и [ө] лишь в мягкорядных словах. В литературном языке она произносится вместо *ө* западнобурятских говоров и в других монгольских языков. Литературный язык повсюду закрепил в этих случаях норму с [*y*], хотя может произноситься и вариант *ө* [см. Буреаев 1965, с. 126]. Фонема [*y*] в бурятском языке в историческом плане обнаруживает разное происхождение.

1. Она является наследницей исконной общемонгольской фонемы **y* например:

бур. *үгэ* — х.-монг., калм. *үг*, орд. *uge*, стп.-м. МА, SG *üge*, MNT *uge* слово; речь';

бур. *хүсэн*, *хүшэн* — х.-монг. *хуч*, калм. *кучн*, даг.П *к'ү'ч'и'*, даг.К *куй*, *kučin*, орд. *gwtši*, монгор. *куджі*, стп.-м. *küçün*, МА *küçin* 'сила';

бур. *тургэн* — х.-монг. *тургэн* калм. *тургн*, стп.-м., МА *türgen*, MNT, SG *turgen* 'быстрый; быстро'.

2. В восточных говорах (а через хоринский говор и в литературном языке) фонема [*y*] развилась из **e* (видимо, через *ө*), в то время как в западных бурятских говорах и ряде других современных и средневековых монгольских языков здесь появился гласный *ө*, например:

вост.-бур., лит.-бур. *убэл* — зап.-бур. *евэл*, х.-монг. *өвэл*, калм. *увл*, орд. *öwöl*, даг.П *үгүл*, даг.К *uhul*, джарут. *uwul*, *ubul*, *ewul*, мог. *shbul* ~ *ebshlá*, стп.-м. *ebül*, МА, ИМ *öbül* 'зима', МА *ebülje* ~ *öbülji* 'проводить зиму', MNT *ubul*, SG *übul*, ЛР *öwül* 'зима';

вост.-бур., лит.-бур. *убгэн* — зап.-бур. *евөгөн*, х.-монг. *өвгөн*, калм. *өвгн*, орд. *öwögön*, джарут. *ebgen*, *ewgen*, *ubgen* 'старик', даг.П *ё'ү'к'ё'1* старший брат матери; 2) муж старшей сестры отца', стп.-м. *ebügen*, МА *öbügen*, MNT *ebugan*, *ebuge(n)*, VMI *öbüge* 'старик', SG *ebuge* 'свекор, отец мужа';

вост.-бур., лит.-бур. *убдэг* — зап.-бур. *евөдөг*, х.-монг. *өвдөг*, калм. *өвдг*, орд. *öwödök*, джарут. *ubdeg*, баоан. *эбдэг*, мог. *winduk*, стп.-м. *ebüdüg*, *ebüdeg*, МА *öbüdük*, MNT *ebuduk*, ЛР *ebdün*, *öbedün* 'колено';

вост.-бур., лит.-бур. *убдэ* 'болеть', *убшэн* 'болезнь' — зап.-бур. *евдөв*, *евшэн*, х.-монг. *өвд*, *өвч*, калм. *өвд*, *өвчн*, орд. *öwöd*, джарут. *ewšin*, *uwšin*, даг.П *ё'үдэ*, даг.К *eudu*, дунс. *оту*, баоан. *эвтэ* 'болеть', мог. *ebátuna* 'болит', стп.-м. *ebed* 'болеть', *ebedčín*, *ebečín* 'болезнь', МА *ebed*, *ebečín*, ИМ *ebed*, MNT *ebet*, *ebecin*, *obecin*, *obetcin*, ЛР *ebčín id.*;

вост.-бур., лит.-бур. *үргэ* — зап.-бур., х.-монг. *өргө*, калм. *өргэ*, орд. *ingsh*, джарут. *ureg*, стп.-м. *ergü*, МА, ИМ *örgü*, MNT, SG *örgu*, ЛР *ergü* ~ *örge* 'поднимать'.

3. В восточных говорах (через хоринский говор и в литературном бурятском языке) фонема [*y*] обычно произносится также и на месте исконного **ö*, которому в западных бурятских говорах, в халхаском, калмыцком и некоторых других монгольских языках соответствует *ө*. Фонетисты-бурятоведы считают при этом, что в хоринском и других восточных говорах возможно произношение и *ө* как варианта *y*, хотя предпочтительнее *y* [см.: Буреаев 1959, с. 153; 1965, с. 126]. Примеры:

вост.-бур., лит.-бур. *хүхэ* — зап.-бур. *хөхө*, х.-монг. *хөх*, калм. *көк*, орд. *böxxö*, джарут. *huh*, даг.П *к'ү'к* ~ *к'ү'кё*, даг.К *kuk*, дунс. *кугэ*, баоан. *когэ*, мог. *кшкá*, стп.-м., МА, SG, ЛР *köke*, MNT *koko* 'синий';

вост.-бур., лит.-бур. *мульһэн* — зап.-бур. *малиһэн*, *мальһөн*, х.-монг. *мөс*, калм. *мөсн*, орд. *mösh*, даг.П *меёс*, даг.К *mois*, *meis*, *meiz*, дунс. *мэнсун*, баоан. *мэнишү*, *мэнсу*, стп.-м. МА, SG, ЛР *mölsün*, MNT *molsun* 'лед';

вост.-бур., лит.-бур. *мүргэ* — зап.-бур. *мергөв*, х.-монг. *мергөв*, калм. *мергэ*, орд. *mingsh*, джарут. *merg*, даг.П *мүргү*, дунс. *муау*, баоан. *мэргэ*, стп.-м., МА *mörgü*, SG *mürgü*, MNT *murgu* 'кланяться; молиться';

вост.-бур., лит.-бур. *үндэгэн* — зап.-бур. *өндөгөн*, х.-монг. *өндөг*, калм. *өндгн*, орд. *öndögö*, даг.П *ё'ндүэ*, даг.К *enduhu*, *öndöhu*, *öndöhu*, мог.

2. Имеется все же свыше десятка слов, где древний *i сохраняется без изменения, например:

Бур.	Стп.-м.	Х.-монг.	Калм.	Значение
би	bi	би	би	я
ши	či	чи	чи	ты
нимгэн	nimgen	нимгэн	нимгэн	тонкий
миһэлзэ-	mišilje-	мишэлзэ-	мишэ-	улыбаться
хибэн	kibeng	хив	—	моль
хилэн	kileng	хилэн	килэ	бархат
мини	minü	миний	мини	мой
титим	titim	титим	титм	корона

3. В отдельных словах *i сохранился в виде долгого гласного *ии*, например:

Бур.	Стп.-м.	Х.-монг.	Калм.	Значение
ниидэхэ	niscü	нисэх	нисх	лететь
жиир,	jir,	жир,	йир,	обычный поджатые (о губах)
жиирэй	jir-ün	жирийн	йирин	
жимэгэр	jimiger	жимгэр	жимер	

4. В единичных словах фонема [и] появилась на месте *e:

Бур.	Стп.-м.	Х.-монг.	Калм.	Значение
хибэхэ	kebikü	хэвэх	кевх	жевать
хирээ	keriy-e	хэрээ	керэ	ворон

5. Имеется много твердоядных и мягкорядных слов, в которых гласный *i первого слога заменился другим по качеству гласным, близким последующему гласному слова, то есть произошел так называемый перелом гласного *i³. Сравнение с другими монгольскими языками показывает, что такое явление в данных словах произошло не только в бурятском языке, например:

Бур.	Стп.-м.	Х.-монг.	Калм.	Значение
зааха	jīyaqu	заах	заах	указывать
загаһан	jīyasun	загас	заһсн	рыба
зургаан	jirγuyan	зургаа	зурһан	шесть
шуһан	šisun	цус	цусн	кровь
нүдэн	nidün	нүд	нүдн	глаз, глаза
шүдэн	šidün	шүд	шүдн	зуб, зубы
бутуу	bitegü	битуу	буту	закрытый
үлүү	ilegü	үлүү	үлү	лишний
журам	jirum	журам	журм	порядок
шубуун	šibayun	шувуу	шовун	птица
шоно	šinu-a	чоно	чон	волк
ямаан	imaγan	ямаа	яман	коза
яргай	irγai	яргай	ярһа	кизил
шара	šir-a	шар	шар	желтый

³ Подробнее об этом явлении см. далее, в 3-й главе.

Кроме того, имеется ряд слов, в которых перелом *i наблюдается в бурятском и халха-монгольском языках, но в калмыцком продолжает сохраняться *i:

Бур.	Стп.-м.	Х.-монг.	Калм.	Значение
жабар	jibar	жавар	живр	ветер-хиус
жада	jida	жад	жид	пика, копы
шагнаха	šingnaqu	чагнах	чиңнх	слушать
шанар	šinar	чанар	чинр	качество
хяра	kira	хяр	кир	гребень горы
хята	kitai	хятай	кит	тонкие киш-ки лошади

В то же время в большинстве слов твердого ряда гласный *i в бурятском языке, как и в калмыцком, продолжает сохраняться, хотя в халхаском здесь наблюдается перелом *i, например:

Бур.	Калм.	Стп.-м.	Х.-монг.	Значение
бишихан	бичкн	bišiqan	бяцхан	маленький
илгаха	илһх	ilyaqu	ялгах	различать
ирзайха	ирзах	irγaiqu	ярзайх	скалить
нилха	нилх	nilqa	нялх	зубы
хилбар	килвр	kilbar	хялбар	новорожденный
химда	кимд	kimda	хямд	легкий
миндаһан	миндсн	mindasun	мяндас	дешевый
				шелковая нить.

В современных бурятских говорах перелом гласного *i тоже происходил равномерно. Так, в восточных говорах можно встретить наряду с произношением слов типа *шатаха* 'гореть', *мяхан* 'мясо', *мянган* 'тысяча', *шэнэ* 'новый', *эдеэн* 'пища', *бэшэхэ* 'писать', *бэди* 'мы' произношение с сохранившимся *i: *шитаха*, *михан*, *минган*, *шинэ*, *идеэн*, *бишэхэ*, *биди*, что, хотя, и совсем характерно. В тункинском говоре тоже встречаются формы такого типа, т.е. вместо *ямаан* 'коза' говорят *нимаан*, наряду с *мяхан* 'мясо' можно услышать и *михан*.

Сохранение гласного *i как массовое явление отмечается в хамниганском говоре: "Одной из характерных особенностей говора олонских хамниган является то, что в нем в большинстве случаев отсутствует перелом звука *i [Дамдинов 1968, с. 83]. Хотя в этом говоре есть слова и с полным переломом *i [см.: Дамдинов 1968, с. 84]. Поэтому в олонско-хамниганском говоре наряду с *дзургаа* 'шесть' (ср. стп.-м. jirγuyan, бур. зургаан, х.-монг. зургаа, калм. зурһан), *дзагасу*, *дзагаса* 'рыба' (ср. стп.-м. jīyasun, бур. загаһан, х.-монг. загас, калм. заһсн), *буруу* 'годовалый теленок' (ср. стп.-м. birayū, бур. буруун, х.-монг. бяруу, калм. буру), в которых завершен перелом *i, широко бытуют словоформы типа *сибар*, *шибар* 'глина' (ср. стп.-м. šibar, бур. шабар, х.-монг. шавар, калм. шавр) *синага*, *шина* 'ковш' (ср. стп.-м. šinaγa, бур. шанага, х.-монг. шанага, калм. шанһ), *шатакху*, *шитаха* 'гореть' (ср. стп.-м. šitaqu, бур. шатаха, х.-монг. шатах, калм. шатх), *минга* 'тысяча' (ср. стп.-м. mingγan, бур. мянган, х.-монг.

мянга, калм. *миңгн*), ниду 'глаз' (ср. стп.-м. *nidün*, бур. *нюдэн*, х.-монг. *нуд*, калм. *нудн*), сиду, *сидэ*, *шиду* 'зуб' (ср. стп.-м. *šidün*, бур. *шүдэ*, х.-монг. *шуд*, калм. *шудн*), *джирэку* 'сердце' (ср. стп.-м. *ḡirüken*, бур. *жүрхэн*, х.-монг. *зурх*, калм. *зуркн*) и т.п., сохраняющие гласный *i, подвергшийся перелому.

Сохранение в очень большом количестве слов гласного *i, не подвергшегося перелому, происходит и в нижнеудинском говоре [см.: Санжеев 1930, с. 4; Дарбеева 1960, с. 121–122; 1978, с. 34–37]. Ср. например, некоторые нижнеудинские бурятские слова с литературными и со словами других монгольских языков:

Бур.НУ	Лит.-бур.	Х.-монг.	Калм.	Стп.-м.	Значение
<i>н'идэң</i>	<i>нюдэн</i>	<i>нуд</i>	<i>нудн</i>	<i>nidün</i>	глаз
<i>н'имāң</i>	<i>ямаан</i>	<i>ямаа</i>	<i>яман</i>	<i>imayan</i>	коза
<i>ш'игна</i>	<i>шагна</i>	<i>чагна</i>	<i>чиңн</i>	<i>šingna</i>	слушай
<i>ж'илга</i>	<i>жалга</i>	<i>жалга</i>	<i>жилһ</i>	<i>jilya</i>	овраг
<i>ж'ирга</i>	<i>жарга</i>	<i>жарга</i>	<i>жирһ</i>	<i>jirga</i>	наслаждайся
<i>ж'иргөң</i>	<i>зургаан</i>	<i>зургаа</i>	<i>зурһан</i>	<i>jirḡuyan</i>	шесть

В некоторых же говорах, например в боханском, фонема [и], бытующая в литературном языке и других говорах, в абсолютном начале слова не встречается [см.: Хомонов 1958, с. 43], например:

Бох.	Лит.-бур.	Х.-монг.	Калм.	Стп.-м.	Значение
<i>йалаха</i>	<i>илаха</i>	<i>ялах</i>	—	<i>ilaqu</i>	победить
<i>йалхаха</i>	<i>илгаха</i>	<i>ялгах</i>	<i>ялһх</i>	<i>ilyaqu</i>	отделять
<i>йалааһан</i>	<i>илааһан</i>	<i>алаа</i>	<i>иләсн</i>	<i>ilayā</i>	муха

В остальных говорах картина бытования *i примерно такая же, как и в литературном бурятском языке.

Гласные непервых слогов

Характер гласных непервых слогов в бурятских говорах зависит от системы сингармонизма (небного и губного), представленной в том или ином говоре. Здесь мы не будем касаться проблем сингармонизма в литературном бурятском языке, поскольку этот вопрос достаточно освещен в бурятской лингвистической литературе [см.: Бураев 1959, с. 165–173; 1960, с. 84–94], остановимся лишь на характеристике гласных, допустимых в бурятских говорах в непервых слогах.

В монголоведении общепризнано, что гласные четкой артикуляции и полного образования произносятся только в 1-м слоге, поскольку он несет всю смысловую нагрузку и он же обуславливает рядность слова. Гласные же 2-го и последующих слогов произносятся с меньшим напряжением артикулирующих органов и с менее четкой артикуляцией. Эти неясные гласные называют также редуцированными [подробнее см.: Биткеев 1964, с. 69–91; 1975, с. 126–142]. В современных монгольских языках — бурятском, халха-монгольском и калмыцком — степень качественной и количественной редукации этих гласных различна. Довольно сильно качественная и количественная редукация проявилась в калмыцком языке, в котором гласные 2-го и последующих слогов представлены в настоящее время лишь тремя фонемами: *э*-образным, *и*-образным и *а*-образным зву-

ками [см.: Биткеев 1964, с. 75]. Не меньшая, если в ряде случаев не большая, редукация гласных произошла и в халха-монгольском языке, в котором наблюдается даже полное отпадение конечных слогов (ср. х.-монг. *нар* — стп.-м. *naḡan*, калм. *нарн*, бур. *наран* 'солнце'; х.-монг. *яс* — стп.-м. *yasun*, калм. *ясн*, бур. *яһан* 'кость' и т.п.). В бурятском же языке, как и в калмыцком, сохраняются все исторические слоги (см. вышеприведенные примеры *наран*, *яһан*), хотя гласные непервых слогов утратили свое первоначальное качество и произносятся, кроме того, не так напряженно, как гласные 1-го слога. Однако их качество в бурятском языке все же сохранилось более отчетливо, нежели в калмыцком. Благодаря этому стало возможно их четкое обозначение на письме (напр., бур. *абаха* 'взять', *болохо* 'быть; стать', *ерэхэ* 'прийти', *хурэхэ* 'достигать' — ср. соответственно х.-монг. *авах*, *болох*, *ирэх*, *хурэх*; калм. *авх*, *болх*, *ирх*, *курх*), чего до сих пор никак не могут решить для калмыцкой письменности [см.: Биткеев 1969, с. 3–37].

В бурятском языке по говорам редукация гласных тоже неравномерна, хотя в целом свойственна вообще любой разговорной бурятской речи (ср., напр., разг. *татаха* — лит. *татаха* 'тянуть'; 'курить', разг. *ошхо* — лит. *ошохо* 'пойти', разг. *абха* — лит. *абаха* 'взять' и т.п.), независимо от диалектной принадлежности. Однако степень редукации по говорам бывает разной. Например, для центрального хоринского и периферийных хориноидных диалектов вокалический ряд в пределах отдельных слов и ритмических тактов менее подвержен количественным и качественным изменениям. Носители данных говоров, как правило, старательно выговаривают в словах и синтагмах все слоги, например; *јабаха* — ходить, *хэлэхэ* — говорить, *һураха* — учиться, *ошохо* — отправляться, *худэлмэри* — работа, *за:бари* — указание и т.п. Напротив, для западнобурятской лингвистической общности, особенно для тункинского говора, редукация гласных составляет едва ли не самую существенную черту модификации гласных фонем. Даже в тех фонетических положениях, где в других западнобурятских говорах гласные не подвергаются сколько-нибудь заметным изменениям, в тункинском говоре имеют место случаи, вызванные действием закона редукации. Так, например, в этимологически трехсложных словах гласные второго слога, как правило, не произносятся. Более любопытны случаи исчезновения гласных в абсолютном исходе слова, что совершенно не характерно для бурятского языка. Например, *арбад'хад һурна* 'учиться в десятом', *дабу:* *хэх* 'положить соль', *јэк хубуум'и* 'старший сын'... Поскольку редукация и отпадение гласных в абсолютном исходе существенно характеризуют южномонгольский лингвистический ареал, то указанную особенность тункинского говора можно было бы причислить к пережиточным элементам суперстратного характера. Тем более, что основная этническая группа, к которой восходят тункинские буряты, является... выходцем из Монголии" [Матхеев 1972, с. 41–42].

Как видно из бурятоведной диалектологической литературы, довольно заметно редукация и выпадение гласных и образование за счет этого стяженных форм слов проявляются также в баргузинском [см.: Раднаев 1965, с. 82], эхирит-булагатском [см.: Матхеев 1968, с. 7], качугском [см.: Митрошкина 1968, с. 51] говорах, например: качуг. *баатха* (лит. *абаадаха*) 'унести с собой', качуг. *таархаха* (лит. *атаархаха*) 'завидовать',

качуг. *сөөн* (лит. *усөөн*) 'малочисленный', барг. *неэн* (лит. *унээн*) 'король', барг. *ошхо* (лит. *ошохо*) 'идти', барг. *үхэб* (лит. *үгэхэб*) 'отдам', барг. *устэр* (лит. *усэгэдэр*) 'вчера', барг. *нэбишаа* (лит. *нэгэ бишыхан*) 'немного', эхир.-булаг. *хажгээд* (из *хайшан гээд*) 'как, каким образом', эхир.-лаг. *ождоорой* или *одьроорой* (из *орожо ерээрэй*) 'зайдешь'.

В системе вокализма древнемонгольского языка, как восстановлено в монголоведении, в непервых слогах могли употребляться лишь *a* — *ü*, вне какой бы то ни было пропорциональной оппозиции находилась фонема *i*, которая могла быть в любом слоге любого слова [см.: Санжа 1964, с. 30–31], напр.: *inöy* 'друг', *čidür* 'путы-тrenoга', *bičig* 'письмо', *qoli* = 'смешивать', *neteri* 'добавка', *kögji* = 'развиваться'. Эта система во время эволюции монгольских языков в каждом из них претерпела определенные изменения. Модифицировалась она и в бурятских говорах. При этом картина этой модификации по говорам различна.

Так, в хоринских говорах и в тех бурятских говорах, где отсутствовала фонема *[e]*, которая здесь перешла в *[y]*, в непервых слогах встречаются лишь гласные *a*, *o*, *u*, *э* с разной степенью редукции и неполным образованием. В тех же западных говорах, в которых *[e]* представлена как фонема, там и в непервых слогах употребляется *e* наряду с *a*, *o*, *u*, *э*. Особенно стоят в отношении гласных непервого слога южные бурятские говоры сартульский, цонгольский и хамниганский, которые знают в этой позиции гласные *a*, *o*, *u*, *э*, *y*, *ү*, *ө*. Таким образом, в разговорном бурятском языке различается три системы вокализма непервых слогов: система хоринского типа, западнобурятская система с фонемой *[e]* и южнобурятская система.

1. Для системы гласных непервых слогов хоринского типа, как уже упоминалось, характерно отсутствие краткой фонемы *[ə]* как в непервых, так и в первом слогах. В первом слоге историческая фонема **ə* перешла в фонему *[y]*, в которой слились по сути дела две исторические фонемы **ə* и **ü*. Для вокализма непервых слогов этого типа свойственно употребление после *[y]* первого слога фонемы *[ɔ]* вместо фонемы *[ə]* в этих слогах в западнобурятских говорах, чтобы получить представление об эволюции вокализма хоринского типа, сравним его с вокализмом старомонгольского языка.

Гласный 1-го слога	Гласный непервого слога		Примеры		
	стп.-м.	хор.	стп.-м.	хор.	значение
*a	a	a	tala	тала	степь
	u	a	qabur	хабар	весна
*e	e	э, u	eke	эхэ	мать
			erdem	эрд'им	наука
	ü	э	kelen	хэл'ин	язык
			ečüs	эсэс	конец
*u	a	a	uran	уран	искусный
	u	a	ulus	улад	люди
*ü	e	э	ünen	унэн	правда
	ü	э	üsün	үхэн	волосы
*o	a	o	olan	олон	много
	u	o	tosun	тоһон	масло
*ö	e	э	ögen	ургэн	широкий
(хор. y)	ü	э	öndür	үндэр	высокий

Отдельно рассмотрим модификацию гласного **i*, так как он дал в хоринском говоре различные варианты.

Гласный 1-го слога	Гласный непервого слога		Примеры		
	стп.-м.	хор.	стп.-м.	хор.	значение
*i	i	u	titim	титим	корона
	i	э	kili	хилэ	граница
(хор. u)	e	э	kibeng	хибэн	моль
*i	i	э	bičig	бэшэг	письмо
	e	э	irge	эрге	валух
(хор. э)	e	u	ide	эди	ещь
			ile	эли	явный

В твердорядных словах древний гласный **i* непервых слогов в хоринских говорах везде сохранился, дав палатализацию предшествующего согласного, которая развилась под влиянием этого **i* также в халхаском, дархатском и изредка калмыцком (см. об этом подробнее ниже, в 3-й главе). Примеры:

Стп.-м.	Хор.	Х.-монг.	Калм.	Даг.	Значение
ali	ал'и	аль	эль	ал'й	который
ani	ан'и-	ани-	ань-	—	зажмурить
amidu	ам'ида	амьд	эмд	ам'йу	живой
uli	ул'и-	ули-	ууль-	—	выть
urid	ур'ид	урьд	урд	ордо	прежде
oliy	ол'иг	олиг	—	—	пригодность
morin	мор'ин	морь	морн	мор'й	конь
anggir	ан'д'ир	ангир	эңгир	—	турпан
salkin	һал'т'ин	салхин	салькн	—	ветер
oni	он'и	онь	он	он'й	зарубка у стрелы

Однако в ряде случаев **i* перед **g*, который перешел в *j* (йот), дал, ассимилировавшись, *a* или *э* в зависимости от рядности слова, например:

Стп.-м.	Хор.	Х.-монг.	Калм.	Значение
qargi	хар'ја	харги	—	быстрина
burgi-	бур'ја-	бурги-	бург-	на реке
bayagi-	бааја-	бааги-	—	клубиться
				сильно дышать
ergi	эр'ја	эргэ	эрг	берег

Сильной ассимиляции подвергся **i* непервого слога после исторических ффрикат и шипящего *ш*. При этом **i* перешел в *э*, *a*, *o* в зависимости от

рядности слова и вокализма 1-го слога. Примеры:

Стп.-м	Хор.	Х.-монг.	Калм.	Значение
ürgülji	ургэлжэ	ургэлж	ургалж	постоянно
kögji-i	хүгжэ-	хөгжи-	көгж-	развиваться
iġil	жэл	ижил	ижл	одинаковы
eŋi	эшэ	иш	иш	привыкли
kerči-	хэрчиэ-	хэрчи-	керч-	рукоятка
				крошить,
				резать
quġir	хужар	хужир	хужр	солончак
aġil	ажал	ажил	ажл	работа
küġir	хушэр	хучир	кучр	трудный
oġi-	ошо-	очи-	—	пойти
ċabċi-	сабша-	цавчи-	чавч-	рубить
uċir	ушар	учир	учр	причина
anġisun	анзаһан	анжис	андсх	соха

Как видно из примеров, в халха-монгольском языке в отличие от хоринских говоров ассимиляции гласного *i после аффрикат и шипящих не произошло. В бурятском же языке такая значительная ассимиляция *i непервых слогов развилась, вероятно, как и утрата аффрикатами своей смычности в этих словах, под влиянием тенденции ослабления артикуляции звуков. В калмыцком языке эта картина сглажена под действием сильной редукции гласных непервых слогов.

В хоринских говорах, в отличие от старомонгольского языка, в непервых слогах перестали употребляться сильно огубленные узкие гласные и у (тербующие более напряженной и сильной артикуляции, нежели широкие а, э и слабоогубленные о и ө). Под влиянием ослабления артикуляции произошло полное разогубление у и у и переход их в гласные а и неясной артикуляции. Лишь после [о] 1-го слога сохраняется слабое огубление гласного *и, который полностью уподобился [о], например: *mudun > модон 'дерево', *tosun > тоһон 'масло', *odun > одон 'звезда'. И в общем в говорах хоринского типа гласный [о] обладает из всех огубленных гласных наибольшим ассимилирующим воздействием, подчиняя огублению даже *а. Например: *olġa > олзо 'добыча, трофей', *olan > олон 'много', *toġtaqu > тогтохо 'останавливаться', *qoġlaqu > хорлохо 'наносить вред'. Такое же свойство имеет гласный [о] и в халха-монгольском языке, в котором эти слова тоже произносятся с гласным [о] в непервых слогах, например: мод(он) 'дерево', тос(он) 'масло', од(он) 'звезда', олон 'много', тогтох 'останавливаться', хорлох 'наносить вред'.

Таким образом, вокализм непервых слогов говоров хоринского типа отличается от такового старомонгольского языка расширением употребления в непервых слогах широких гласных а и э за счет разогубления узких огубленных *и и *ü и перехода их в а и э, а также за счет ассимиляции гласного *i. Кроме того, в непервых слогах стал употребителен гласный [о], появившийся в этой позиции в результате ассимиляции гласным [о] 1-го слога последующих *и, *а и гласного *i, стоящего после исторической аффрикат и шипящего ш.

2. Система западнобурятского типа в основном обладает разобранной

выше характеристиками, присущими гласным непервых слогов в говорах хоринского типа, но ее существенным отличием и дополнением является наличие фонемы [ə] во всех непервых слогах, если она представлена в первом слоге, например:

Стп.-м.	Зап.-бур.	Хор.	Х.-монг.	Калм.	Значение
edür	едер	удэр	едер	едр	день
mönggün	монген	мунгэн	монгэн	мөңгн	серебряный
ebügen	ебегэн	убэгэн	евгэн	евгн	старик
gölüge	галгө	гулгэн	галгө	галг	щенок
döċin	дөшөн	душэн	дөчин	дөчн	сорок
ölüskü	өлдөхө	үлдэхэ	өлсөх	өлсх	проголодаваться
körükü	хөрөхө	хүрэхэ	хөрах	көрх	остывать
dörben	дөрбөн	дурбэн	дөрвөн	дөрвн	четыре
ebüsün	ебөһөн	убһэн	евс	евсн	травя

Этим западнобурятские говоры сближаются с халха-монгольским языком. Подобная система отмечается исследователями как широко бытующая в аларском [см.: Поппе 1930а, с. 45, 64], нижеудинском [см.: Санжеев 1930, с. 5], боханском [см.: Алексеев, с. 91] говорах и частично в эхирит-булагатском [см.: Матхеев 1968, с. 5], качутском [см.: Митрошкина 1958, с. 283—284], баргузинском [см.: Раднаев 1965, с. 83], тункинском [см.: Абашиев, с. 7] говорах.

3. Система вокализма непервых слогов южнобурятских говоров тоже неоднородна. Кроме некоторых общих черт имеются и значительные различия в каждом из южнобурятских говоров — сартульском, цонгольском и хамниганском. Эти говоры связаны своим происхождением с монгольским языком, поэтому они являются как бы промежуточными между бурятскими и монгольскими говорами, вобрав в себя многое из монгольского языка. Субстрат и языковое окружение у каждого из этих южнобурятских говоров были различны, различны были, по всей вероятности, и те монгольские говоры, на базе которых образовались эти, теперь уже бурятские, говоры, поэтому у них и выработались различия в интересующем нас здесь вокализме непервых слогов.

Сартульский говор характеризуется, как наследием монгольского языка, наличием фонем [ə], [с], [ч], [дж], [ц], сюда же относится и довольно сильная редукция, до полного исчезновения, гласных непервых слогов, особенно конечного открытого слога [см.: Бураев 1965, с. 120, 121]. Но в общем-то вокализм непервых слогов сартульского говора, в котором фонема [ə] уже сливается с фонемой [у], напоминает вокализм выше рассмотренных систем. Примеры:

Сарт.	Хор.	Зап.-бур.	Х.-монг.	Стп.-м.	Значение
уса, усо	уһан	уһан	ус	usun	вода
йосо	йоһон	йоһон	ёс	yosun	обычай
хумэдхэ	хүмэдхэ	—	хөмсөг	kömüske	брови
тургэн	тургэн	тургэн	тургэн	türgen	быстрый
эцэх	эсэхэ	эсэхэ	эцэх	eċekü	уставать

Сарт.	Хор.	Зап.-бур.	Х.-монг.	Стп.-м.	Значение
<i>ан'д'ир</i>	<i>ан'д'ир</i>	<i>ан'jar</i>	<i>ангир</i>	<i>anggir</i>	турпан
<i>хар'и</i>	<i>хар'и</i>	<i>хар'и</i>	<i>харь</i>	<i>qari</i>	чужой
<i>очох,</i> <i>очих</i>	<i>ошохо</i>	<i>ошохо</i>	<i>очих</i>	<i>očiqu</i>	пойти
<i>хол'ихо</i>	<i>хол'ихо</i>	<i>хол'ихо</i>	<i>холих</i>	<i>qoliqu</i>	смешать
<i>тал'т'и</i>	<i>тал'т'и</i>	<i>тал'т'и,</i> <i>тал'си,</i> <i>тал'ши</i>	<i>талхи</i>	<i>talki</i>	кожемяк
<i>арасо,</i> <i>арас</i>	<i>арахан</i>	<i>арахан</i>	<i>арьс</i>	<i>arisun</i>	кожа
<i>цаса,</i> <i>цас</i>	<i>сахан</i>	<i>сахан</i>	<i>цас</i>	<i>časun</i>	снег
<i>дурэв</i>	<i>дурбэн</i>	<i>дөрбөн</i>	<i>дөрөв</i>	<i>dörben</i>	четыре
<i>дучэ</i>	<i>душэн</i>	<i>дөшөн</i>	<i>дөч</i>	<i>döčin</i>	сорок
<i>өвгөн</i>	<i>убэгэн</i>	<i>өбөгөн</i>	<i>өвгөн</i>	<i>ebügen</i>	старик
<i>холтос</i>	<i>холтоһон</i>	<i>холтоһон</i>	<i>холтос</i>	<i>qoltasun</i>	кора
<i>бичиг</i>	<i>бэшиг</i>	—	<i>бичиг</i>	<i>bičig</i>	письмо
<i>арав,</i> <i>арва</i>	<i>арбан</i>	<i>арбан</i>	<i>арав</i>	<i>arban</i>	десять
<i>хийдж</i>	<i>хэжэ</i>	<i>хэжэ</i>	<i>хийж</i>	<i>kijū</i>	делая
<i>мэдэдж</i>	<i>мэдэжэ</i>	<i>мэдэжэ ~</i> <i>мэдшэ</i>	<i>мэдэж</i>	<i>medejū</i>	зная
<i>гарч</i>	<i>гаража</i>	<i>гаража ~</i> <i>гарша</i>	<i>гарч</i>	<i>γarču</i>	выходя

Однако, как можно видеть из примеров, в некоторых случаях сохраняется вокализм типа халхаского — наличие гласного *и* после аффрикаты (*очих*, *бичиг*), а также фонемы [ə] (*өвгөн*).

Но главной особенностью сартульского говора является употребление в непервых слогах кратких узких огубленных гласных *у* и *ү*, что было замечено уже давно [см.: Буреав, 1960, с. 91]. Исследователь этого говора И.Д. Буреав пишет по данному поводу следующее: "В сартульском говоре имеет место заметная тенденция к употреблению кратких лабиализованных гласных высокого подъема *у* и *ү* в непервых слогах. Как известно, ни в современном бурятском литературном, ни в современном монгольском (халхаском) языках краткие *у* и *ү* не встречаются в непервых слогах. В бурятском литературном языке, если в предыдущем слоге стоит из гласных твердого ряда *а*, *у*, или *уу*, то в последующем слоге из кратких может употребляться только *а*; в сартульском же говоре может употребляться и краткий *у*. Например, лит. *худаг* (колодец) — сарт. *худуг*/||худаг; лит. *хуулах* (сдирать) — сарт. *хуулух*/||хуулах; лит. *алаха* (убивать) — сарт. *алух*/||алах. Если в предыдущем слоге стоит из гласных мягкого ряда *э*, *ү* (ə), то в последующем слоге в литературном бурятском языке может употребляться из кратких гласных только *э*; в сартульском же говоре может употребляться и краткий огубленный *ү*. Например, лит. *унэр* (запах) — сарт. *унур*/||унэр; лит. *нэрэх* (перегонять) — сарт. *нэрүх*/||нэрэх. Следует отметить при этом, что гласные *у* и *ү* в непервослоговой позиции звучат несколько иначе, чем в обычной первослоговой позиции

потому что они согласны общей закономерности бурятского языка — подвергаются в данной позиции заметной качественной редукции. Тем не менее огубленное произнесение гласных в указанных выше позициях не вызывает сомнения. Почти все сотрудники диалектологической экспедиции (студенты и преподаватели — носители других диалектов) фиксируют в своих записях *у* и *ү* в непервых слогах" [Буреав 1965, с. 124–125.].

Употребление словоформ с *у* и *ү* в непервых слогах в сартульском говоре можно, на наш взгляд, объяснить ассимилирующим влиянием гласных *у* и *ү* 1-го слога, как, например, в случае с *унур*/||унэр 'запах', *худуг*/||худаг 'колодец'. В случае же, когда эти *у* и *ү* появляются после *а* и *э*, их возникновение тоже следует считать результатом ассимиляции *а* и *э* бывшими в этих словах гласными **u* и **ü*. Например, слово *арас* 'шкура, кожа' произносится сартулами также и как *арус*, *арусо*, *арасо*. Древней формой этого слова была, видимо форма **arīsun* давшая два варианта: **arīsun*, к которому восходит халхаское слово *арьс* (*ан*), где палатализация *р* есть следствие влияния **i*, и **arasun*, а возможно и **arusun*, в которых второй гласный, имеющий в слове слабую позицию, легко поддается ассимиляции соседними гласными. От этого варианта ведет свое происхождение бур. *арахан* 'кожа, шкура'. Сартульский говор, видимо, сохраняет архаичные черты монгольского языка, когда на определенном этапе его развития непервые слоги еще сохраняли свое значение и сильноогубленные гласные *у* и **ü* последнего слога еще не совсем редуцировались. Поэтому из **arīsun* или **arasun* могло развиваться **arusun*, в котором после отпадения конечного *п* основы гласный **u* оказался в открытом слоге, т.е. появилось *arusu*.

Конечные слоги, особенно открытые, в монгольском языке, как известно, очень неустойчивы и их гласные сильно редуцируются. Эта тенденция началась еще в средние века и получила свое полное развитие в халхаском языке. Сартульский говор, в основу которого легли позднесредневековые монгольские диалекты, унаследовал эту тенденцию, которая, однако, здесь не смогла окончательно развиваться, как в халха-монгольском языке, из-за того, что язык сартулов столкнулся и продолжает взаимодействовать с хоринскими говорами, сохраняющими конечные закрытые и открытые слоги. Поэтому-то в сартульском говоре ныне сосуществуют формы *цас* и *цаса* 'снег', *ерэх* и *ерэхэ* 'прийти', *очих*, *очох* и *очохо* 'пойти', *арас*, *арус*, *арасо* и *арусо* 'кожа' и т.п.

Таким образом, появление *у* и *ү* во втором слоге, видимо, остаточное явление ассимилирующего влияния **u* и **ü* исторических конечных слогов на неустойчивый предыдущий гласный. Поэтому форму *нэрүх* 'перегонять молочную водку' можно объяснить как восходящую к промежуточной более поздней форме **nerükü* < *nerekü*, *шунгүх* 'купаться' — к **šunγuqu* < *šungγaqu*, *нагуцо* 'дядя по матери' — к **naγuči* < *naγači*, *алух* 'убить' — к **aluqu* < *alaqu* и т.п.

Когда в процессе эволюции просодической системы монгольских языков происходило перераспределение сильных и слабых слогов, что было связано с изменением слоговой акцентуации, ударение и семасиологическая нагрузка сконцентрировались на 1-м слоге, ставшем представлять корневую морфему. Гласный 1-го слога (краткий, дифтонг или долгий, образовавшийся за счет стяжения двоеслогов) получил сильную позицию. Непервые

же слогги оказались в слабой, неустойчивой позиции, в результате чего гласные изменились, либо подверглись полной редукции и даже отпав (как, например, в халхаском языке), либо утратив свое качество, став напряженными гласными неполного образования и подверглись различным ассимилятивным влияниям (как в бурятских говорах). Следовательно мы можем предположить, что в сартульском говоре на фоне действия этих тенденций самым неустойчивым оказался последний слог, гласный которого утратил свое качество, ослабившись, иногда и совсем отпав. Как результат этого ослабления и следует рассматривать появление *o* на месте конечного слога *у* в словах типа *нагуцо* (< **науц*и), *шунгухо* (< **шунгуц*и) (*у*со (< **usu* < *usun* 'вода'), *тудухе* (< **tuduqu* 'попасть в цель') и т.д.). Когда относительно напряженный сильноогубленный гласный верхнего подъема *у* ослабляет свою артикуляцию и теряет напряжение, он закономерно дает наиболее близкий к себе по артикуляции гласный звук *o*. Поэтому развитие другого характерного для сартульского говора явления — военикование краткого гласного *o* в конечном слоге после предыдущих *a* и *u* (в других бурятских говорах тут представлен *a*) — можно объяснить именно ослаблением гласного *у* конечного слога⁴.

Цонгольский говор также имеет в своей основе монгольский язык, поскольку "носители цонгольского говора являются выходцами из Монголии, переселившимися на территорию Бурятии в разное время, начиная со второй половины XVII столетия" [Будаев 1965, с. 151]. Однако в "отличие ... от монгольского языка в цонгольском говоре в абсолютно начале слова и в первом слоге никогда не произносится краткий гласный *e*" [Будаев 1965, с. 160]. Поэтому фонетический облик цонгольских слов зачастую более близок к бурятскому, чем к монгольскому, например:

Цонг.	Лит.-бур.	Х.-монг.	Стп.-м.	Значение
<i>бухѳ</i>	<i>бухэ</i>	<i>бөх</i>	<i>böke</i>	сильный
<i>удѳр, удѳр удэр</i>		<i>өдөр</i>	<i>edür</i>	день
<i>дурвэ</i>	<i>дурбэн</i>	<i>дөрөв</i>	<i>dörben</i>	четыре
<i>мунѳ</i>	<i>мунгэн</i>	<i>мөнгө</i>	<i>mönggün</i>	деньги

Как видно из примеров, вокализм 1-го слога в цонгольском говоре напоминает таковой хоринских говоров, в которых **ö* тоже перешел в *e*. Произошло это, вероятно, не без влияния соседних хоринских говоров с которыми язык цонголов с самого начала вступил в соприкосновение. А кроме того само произношение монгольского центрально-рядного *ө* очень близко, как уже отмечалось выше, к произношению такого же центрально-рядного *у*, так что такой переход *ө* в *у* под влиянием хоринских говоров не различающих *ө* и *у*, вполне возможен.

Вокализм непервых слогов в цонгольском говоре в общем-то тоже приближается к вокализму хоринского типа, например:

Цонг.	Лит.-бур.	Х.-монг.	Стп.-м.	Значение
<i>эргэ, эрйэ</i>	<i>эрье</i>	<i>эрэг</i>	<i>ergi</i>	берег
<i>цэцэн</i>	<i>сэсэн</i>	<i>цэцэн</i>	<i>cecen</i>	умный
<i>тэн'д'ир</i>	<i>тэн'д'ир</i>	<i>тэнгэр</i>	<i>tingri</i>	небо

⁴ Об оканье у сартулов см.: Будаев 1965, с. 127.

Цонг.	Лит.-бур.	Х.-монг.	Стп.-м.	Значение
<i>ундэс</i>	<i>ундэнэн</i>	<i>ундэс</i>	<i>ündüsün</i>	корень, основа
<i>хунэлгэ</i>	<i>хунэлгэ</i>	<i>сөнөлгө</i>	<i>sönülge</i>	угасание
<i>унишаха</i>	<i>унишаха</i>	<i>униших</i>	<i>ungšiqu</i>	читать
<i>шэмэхэ</i>	<i>шэмэхэ</i>	<i>шимэх</i>	<i>šimekü</i>	высасывать сок
<i>бэчэг</i>	<i>бэшэг</i>	<i>бичиг</i>	<i>bičig</i>	письмо
<i>эл'и</i>	<i>эл'и</i>	<i>ил</i>	<i>ile</i>	ясный, четкий
<i>ерхэ</i>	<i>ерхэ</i>	<i>ирэх</i>	<i>irekü</i>	приходить
<i>ходжохо</i>	<i>хожохо</i>	<i>хожих</i>	<i>qojiqu</i>	выигрывать

Но все же в отношении вокализма непервых слогов в цонгольском говоре имеются довольно существенные отличия по отношению к традиционному бурятскому говору и халха-монгольскому языку. Дело в том, что в цонгольском говоре после *у* первого слога очень часто стоит в последующих слогах гласный *ө*, например:

Цонг.	Лит.-бур.	Х.-монг.	Стп.-м.	Значение
<i>удэр</i>	<i>удэр</i>	<i>өдөр</i>	<i>edür</i>	день
<i>түмөр</i>	<i>түмэр</i>	<i>төмөр</i>	<i>temür</i>	железо
<i>мүнгө</i>	<i>мүнгэн</i>	<i>мөнгө</i>	<i>mönggün</i>	деньги
<i>увгөн</i>	<i>убэгэн</i>	<i>өвгөн</i>	<i>ebügen</i>	старик
<i>увөс</i>	<i>убһэн</i>	<i>өвс</i>	<i>ebüsün</i>	травы
<i>н'үдө</i>	<i>н'үдэн</i>	<i>нүд</i>	<i>nidün</i>	глаза

Появление *ө* в непервых слогах объясняется, на наш взгляд, тем, что в цонгольском продолжает сохраняться унаследованный от монгольского языка вокализм непервых слогов, особенностью которого является ассимиляция первослоговым *ө* последующих гласных и произнесение их в виде того же *ө* или даже *у*, при этом редуцированный *ө* произносится в открытом конечном слоге, а неясный *у* в закрытом [см.: Владимирцов, с. 326]. Затем, когда цонгольский *ө* первого слога перешел в *у*, то во вторых и последующих слогах продолжали сохраняться огубленные *ө* и даже *у* (*удөр*//*удур* 'день', *мурөхө*//*муруху* 'бодаться', *хулөрхө*//*хулурху* 'потеть', *дүтөлхө*//*дүтулху* 'приближаться'). Варьирование *ө* и *у* в непервых слогах зависит от разной степени напряженности артикулирующих органов при произнесении этого неясного огубленного гласного (*ө* ~ *у*). Тем более, что этимологически во всех этих словах в непервых слогах был узкий сильноогубленный **i*, который повлиял на появление огубленного гласного в 1-м слоге (в словах типа *увөс* < *ebüsün* 'травы', *увгөн* < *ebügen* 'старик') и как наследие которого в непервых слогах сохраняется *у* или *ө* (слабонапряженный вариант *у*).

Другой особенностью цонгольского говора является наличие краткого *o* в непервых слогах после гласных *a* или *у* первого слога. Если в сартульском говоре *o* появляется как правило в конечном слоге, преимущественно в открытом, то в цонгольском он может быть в любом непервом слоге, причем не только после огубленного *у*, но и после широкого неогубленного *a*. Примеры:

Цонг.	Лит.-бур.	Х.-монг.	Стп.-м.	Значение
<i>сахал</i>	<i>хахал</i>	<i>сахал</i>	<i>saqal</i>	борода
<i>арол</i>	<i>арал</i>	<i>арал</i>	<i>aral</i>	остров
<i>нагоцо</i>	<i>нагаса</i>	<i>нагац</i>	<i>naγaiu</i>	дядя по матери

Цонг.	Лит.-бур.	Х.-монг.	Стп.-м.	Значение
дагос	загаһан	загас	ᠵᠢᠶасун	рыба
аворго	абарга	авраг	абургу	тиски
насо	наһан	нас	насун	возраст
усо, усу	уһан	ус	усун	вода
нарос	нарһан	нарс	нарасун	сосна
намор	намар	намар	намур	осень
худхохо	шудхаха	цутгах	ᠴᠢᠳᠠᠬᠤ	лить металл
хадохо	хадаха	қадақ	қадақ	косить сено
таргон	тарган	тарган	таргун	жирный

Как видно из примеров, *о* появляется в основном лишь в тех случаях, где в непервых слогах был представлен исторический гласный **и* (ср. приведенные выше примеры из старомонгольского языка). По сути дела появление этого *о* в цонгольском объясняется теми же причинами, что и появление *и* и *о* в сартульском говоре (см. выше). Произношение же *о* в отдельных словах типа *сахол*, *арол*, где не было исторического **и* в их основе, можно объяснить действием закона аналогии, выравнивания по стереотипу.

Но в то же время в цонгольском говоре бытует масса слов, в которых этот *о* в непервых слогах не появляется, так как исторически в этих словах не было гласного **и* в основе, например:

Цонг.	Лит.-бур.	Х.-монг.	Стп.-м.	Значение
ацарха	асарха	ацрах	асараqu	принести
адхаха	адхаха	асгах	асуаqu	пролить
нара	наран	нар	наран	солнце

Кроме того, есть много слов и с гласным *у* в основе, но оканья в них не наблюдается, например:

Цонг.	Лит.-бур.	Х.-монг.	Стп.-м.	Значение
дура	дуран	дур	дуран	любовь
умшаха	унишаха	униших	унгшиqu	читать
умтарха	унтарха	унтрах	унтараqu	погаснуть
унтаха	унтаха	унтах	унтаqu	спать

Так что, возможно, это оканье, как и в сартульском говоре, — остаток явления более ранней стадии развития фонетического строя монгольского языка, когда губные гласные непервых слогов еще не совсем утратили свое качество. Это предположение подтверждается сохранением в некоторых случаях гласного *у* во вторых и следующих слогах, например:

Цонг.	Лит.-бур.	Х.-монг.	Стп.-м.	Значение
тугул	тугал	тугал	туγул	теленос
худуг	худаг	худаг	qudduγ	колодец
усу, ус	уһан	ус(ан)	усун	вода
н'угус	нугаһан	нугас(ан)	нуγусун	утка
ургуху	ургаха	ургах	урγиqu	расти

Таким образом, цонгольский говор, как и сартульский, сохраняет в какой-то мере более архаичный вокализм непервых слогов, чем современные бурятский и халха-монгольский языки.

Говор олонских хамниган, которые тоже являются вы-

дами из Монголии, находится на стыке бурятского и монгольского языков. Сохраняя ряд черт монгольского языка, особенности его средневекового периода развития, хамниганский говор приобрел и выработал под воздействием языка соседних агинских бурят (хоринцев по языку) много черт, сближающих его с бурятским языком [см.: Дамдинов 1968, с. 116], одной из которых является ускорение перелома **i* (поэтому сосуществуют формы типа *джируку* и *дзурэку* 'сердце', ср. стп.-м. *jirūken*, общибур. *зурхэн*, х.-монг. *зурх id.*), а также произнесение *у* в первом слоге вместо исконного **ö* (напр. *букэ* наряду с *бөкө* 'крепкий', *күкэ* наряду с *көкү* 'синий', *дурбэ* 'четыре', *дучин* 'сорок', *дзугии* 'пчела', ср. соответственно общибур. *бухэ*, *хухэ*, *дурбэн*, *душэн*, *зугы*; х.-монг. *бөх*, *хөх*, *дөрөв*, *дөч*, *зөгий*; стп.-м. *böke*, *köke*, *dörben*, *döčin*, *jögei id.*).

Самой же характерной чертой вокализма хамниганского говора является сохранение особенностей монгольского языка средневекового периода, который отличается наличием гласного *i*, еще не подвергнувшегося перелому, узких сильно огубленных гласных *у* и *ү* в непервых слогах. В хамниганском говоре как бы законсервировались эти архаичные черты монгольского языка XIII в. Наличием гласных *у* и *ү* во втором и последующих слогах хамниганский говор объединяется с рассмотренными выше сартульским и цонгольскими говорами. Приведем ряд примеров, иллюстрирующих особенности вокализма непервых слогов в хамниганском говоре:

Хамниг.	Лит.-бур.	Х.-монг.	Стп.-м.	Значение
дабкхур	дабхар	давхар	dabquγ	двойной
алкху	алха	алх	alqu	шагай
моду	модон	мод(он)	modun	дерево
хуругу	хурган	хуруу	quruγun	палец
йасу	яһан	яс(ан)	yasun	кость
кимусу	хюмһан	хумс(ан)	kimusun	ноготь
сиду, шиду	шүдэн	шуд(эн)	ᠰᠢᠳᠦᠨ	зуб; зубы
усу	үһэн	ус(эн)	üsün	волосы
ниругу	нюрган	нүруу	niruγun	спина
усу	уһан	ус(ан)	usun	вода
чөлөө	сүлөө	чөлөө	čilüge	свобода
сибуу, шибуу	шубуун	шувуу	ᠰᠢᠪᠠᠭᠤᠨ	птица
ирекө	ерэхэ	ирэх	irekü	прийти

В то же время в хамниганском говоре развилась ассимиляция первословным *ө* гласных всех последующих слогов. Произошло как бы выравнивание вокализма слова по первому *ө*. Этим хамниганский говор сближается с западнобурятскими говорами, частично с сартульским говором и с халха-монгольским языком. Примеры:

Хамниг.	Зап.-бур.	Вост.-бур.	Х.-монг.	Стп.-м.	Значение
дөр	өдөр	үдэр	өдөр	edür	день
өлөгө	гөлгөн	гулгэн	гөлөг	gölügen	щенок
бөдөг	өбөдөг	убдэг	өвдөг	ebüdeg	колени
жө	өгөхө	үгэхэ	өгөх	ögkü	давать

Таким образом, в отношении вокализма непервых слогов из всех современных бурятских говоров самыми архаичными являются сартульский, цонгольский и хамниганский говоры.

Современный бурятский разговорный язык принадлежит к языкам, нематически различающим долгие и краткие гласные [см.: Бураев 1990, с. 120–122], например: *таха* 'подкова' – *тааха* 'отгадать'; *заха* 'воротник' – *зааха* 'указывать'; *хаха* 'вдребезги' – *хааха* 'закрывать'; *буха* 'бык-порок' – *бууа* 'спускаться' и т.п. Долгие гласные, противопоставляемые кратким, имеются во всех современных монгольских языках [см.: Рорре 1990, р. 59–76]. Примечательно, что подобных квазиомонимов типа приведенных выше *буха* – *бууа*, *таха* – *тааха* в бурятском языке, как и в других монгольских языках, набирается относительно немного, хотя слов с долгими гласными насчитывается многие сотни, если не тысячи. Дело в том, что долготы, какие мы сейчас имеем в монгольских языках, – факт языка, приобретенный относительно поздно в процессе исторического развития, и эти долгие гласные здесь первоначально не были. Приведенные слова различались в прошлом не долготой гласных, а иными признаками. Сравним, например, противопоставление подобных слов-квазиомонимов в современном бурятском языке и старомонгольском письменном, сохраняющем довольно архаичное состояние монгольских языков:

Бур.	Стп.-м.	Значения
<i>таха</i> – <i>тааха</i>	<i>taqa</i> – <i>taṡaṡu</i>	подкова – отгадать
<i>заха</i> – <i>зааха</i>	<i>jaqa</i> – <i>jaṡaṡu</i>	воротник – указывать
<i>буха</i> – <i>бууа</i>	<i>buqa</i> – <i>buṡuṡu</i>	бык – спускаться
<i>хаха</i> – <i>хааха</i>	<i>qaṡa</i> – <i>qaṡaṡu</i>	вдребезги – закрывать
<i>би</i> – <i>бии</i>	<i>bi</i> – <i>bui</i>	я – есть, имеется
<i>шара</i> – <i>шаара</i>	<i>ṡir-a</i> – <i>ṡiyaru</i>	желтый – чаинки
<i>һулдэ</i> – <i>һуулдэ</i>	<i>sülde</i> – <i>següldü</i>	эмблема – потом

Как видно уже из приведенных немногочисленных примеров, у подобных слов в прошлом было различное количество слогов и иногда даже различные гласные.

В свое время в монголоведении ставился и обсуждался вопрос о наличии в общемонгольском праязыке первичных долгих гласных [см., например, Hattori, p. 451–462; Poppe 1962; 1967; Doerfer 1964]. Поскольку это очень специфичный и спорный вопрос, касающийся общего монголоведения и уводящий в алтаистику, мы его здесь специально рассматривать не будем. Разберем более подробно лишь условия, в которых в современном бурятском языке развились долгие гласные.

Долгие гласные, развившиеся из комплекса VCV

О возникновении долгих гласных на месте сочетания "гласный + согласный + гласный" (VCV) в монголоведении сказано достаточно много. Так, например, довольно подробно рассматривали этот вопрос Г.И. Рамstedt [с. 22–26], А.Д. Руднев [1913, с. XXIX–XXXI], Б.Я. Владимирцов [с. 192–266], Г.Д. Санжеев [1953, с. 77–83], Н.Н. Поппе [1955, р. 59–76]. Особенно же скрупулезно, со всех сторон, разобрал происхождение долгих гласных, дав почти исчерпывающее объяснение этого процесса для халхатского монгольского языка, акад. Б.Я. Владимирцов. Подробное рассмотрение

существующих в монголоведении мнений об образовании долгих гласных на месте древних двослогов VCV в монгольских языках находим у Ш. Лувсанвандана [1967a, с. 5–26].

О появлении долгих гласных в бурятском разговорном языке за счет выпадения интервокального консонанта писал еще в середине прошлого века М.А. Кастрен: "Между двумя краткими гласными *g* часто и обычно опускается, например *bō* вместо *bōgō* 'шаман'" (перевод наш. – В.Р.) [Castrén, с. 6]. Но, к сожалению, выдающийся ученый своего времени, переживший своими трудами и идеями эпоху, в которую он жил, не развивает это свое наблюдение, за что его справедливо упрекает издатель его трудов акад. Антон Шифнер: "Особого внимания заслуживают слова, в которых имеет место стяжение гласных из-за выпадения гуттурального согласного. Их количество очень значительно и, как следовало ожидать, должно было повлечь за собой долготу гласного вследствие этого стяжения. Однако же в довольно многочисленных случаях такую долготу трудно обнаружить, почему и Кастрен ее не всегда замечал. Посредством выпадения *g* появляются такие слова как *ūṡ* 'пар', *ū* 'широкий', *ūla* 'гора', *ūden* 'дверь', *ūṡ* 'гнездо', *ōdeheṡ* 'поскут' из *ūgōṡ* 'пар', *ūg* 'широкий', *ūlāg* 'гора', *ūdēg* 'дверь', *ūṡg* 'гнездо', *ōdeheṡg* 'поскут' ... Не следует удивляться и стяжениям, таким, как *ūṡkōṡ(n)* или *ūṡxen* из *ūgkōṡ(n)* и *kūṡ* или *kuṡ* из *kūg* (перевод наш. – В.Р.) [Castrén, предисл. А. Шифнера, с. X].

О развитии долгих гласных на месте комплекса VCV и переборах этого явления в хоринском говоре бурятского языка писал А.Д. Руднев [1913, с. XXIX–XXXI].

Таким образом, исследователи давно уже обратили внимание что в бурятском языке, как и в других монгольских языках, долгие гласные развились на месте комплекса VCV.

В связи с тем, что этот вопрос в монголоведческой литературе уже разобран довольно подробно, особенно у Б.Я. Владимирцова [с. 192–266], Г.Д. Санжеева [1953, с. 77–83; 1977, с. 94–134], Н.Н. Поппе [1955, р. 59–76], мы позволим себе коснуться здесь этого явления лишь в общих чертах. Рассмотрим, из каких исторических комплексов VCV развились долгие гласные в бурятском языке и какого они качества:

**aṡa* → *ā* (в случае, если в последующем слове стоит гласный *i*, то **aṡa* → *ā*, как и в калмыцком языке, в халхаском же – дифтонг *ai*), примеры: *aṡa* → бур. *haa*, х.-монг. *caa*-, калм. *caa*-, орд. *sā*-, даг. П *cā*-, МА *sā*-, MNT *sa'a* 'донить'; *ulaṡan* → бур. *улаан*, калм. *улан*, орд. *ulān*, монгол. *fulān*, даг. П *ulān*, МА *ulān* ~ *ulā'an*, MNT *hula'an* 'красный'; *dayari* → бур. *dāra* (орф. *дайра*-), х.-монг. *дайра*-, калм. *дээр*-, орд. *dāri*-, MNT *da'ari* 'задевать'; *dayan* → бур. *tāra* (орф. *тайра*-), х.-монг. *тайр*-, калм. *тээр*-, орд. *tāri* 'отрезать, отпиливать';

**ege* → *ē*, примеры: *emegel* → бур. *эмээл*, калм. *эмэл*, орд. *ē*, даг. К. МА *emēl*, MNT *eme'el* 'седло'; *degēsün* → бур. *дээхэн*, х.-монг. *дээс*, калм. *дээсн*, орд. *dēs*, даг. К. МА *dēsün* 'веревка'; *degere* → бур. *дээрэ*, х.-монг. *дээр*, калм. *дээр*, орд. *dēre*, даг. П. *dēr*, МА *dēre*, MNT *de'ere* 'наверху';

**igi* → *ī*, примеры: *ṡigiqan* → зап.-бур. *ишхан*, ИМ *ṡiṡan* 'фурункул'; *ṡig* → бур. *ишиг*, х.-монг. *чийг*, калм. *чишг*, орд. *tīṡ* 'сырость';

**uṡu* → *ū*, примеры: *uṡuṡu* → бур. *уураг*, х.-монг. *уураг*, калм. *уураг*, орд. *ūrak* 'моло-

живо'; *buruγu* → бур., х.-монг. *буруу*, калм. *буру*, орд. *burū*, даг.П *борō*, MNT *buru'u* 'вина';

**üγü* → *ü*, примеры: *küjügün* → бур. *хузуун*, х.-монг. *хузуу*, калм. *кузуу*, орд. *küjdžün*, даг.П *күцү*, MA *küjün* 'шоя'; *tügükei* → бур. *туухэй*, х.-монг. *туухий*, калм. *туукэ*, орд. *tükhä*, IM *tükej* 'сырой';

iya* → *ä* (при этом предшествующий согласный, кроме шипящего и исторической аффрикаты, палатализуется), примеры: *niya* → бур. *няа* (п'а х.-монг. *наа*, калм. *наа* [niya*], монгол. *niā*, орд. *nā*, MA *ni'ā*, MNT *ni'a* 'клеить'; *jīya* → бур., х.-монг., калм. *заа*, орд. *džā*, даг.П *ц'ä*, MNT *ja'a* 'указывать';

iya* → *ä*, *ö* (с палатализацией предшествующего согласного), примеры: *aliya* → бур., х.-монг. *алая*, калм. *алэн*, орд. *al'ä* 'шаловливый'; *quriya* → бур. *хурья* (*xur'ä*), х.-монг. *хураа*, калм. *хура* [quriya*], орд. *xur'ä*, даг.П *хор'э*, MA *quri'ä*, MNT *quriya* 'собирать'; *ašiya* → бур. *ашаан*, х.-монг. *ача*, калм. *ачан*, орд. *ašā*, MA *ašān*, MNT *aš'an* 'груз, поклажа'; *takiya* → бур. *тахья*, калм. *така*, орд. *dakā*, MA *taqi'ä*, MNT *takiya* 'курица'; *oriya* → бур. *орёо* (*or'ö*), х.-монг. *ороо*, калм. *ора* 'обматывать'; *doliya* → бур. *долёо* (*dol'ö*), х.-монг. *долоо*, калм. *дола* [**doliya*] 'лизать';

**ige* → *ē* (с палатализацией предшествующего согласного), примеры: *jige* → бур., х.-монг., калм. *зээ*, орд. *džē*, монгол. *džie*, даг.П *ц'ē* 'племянник'; *šige* → бур., х.-монг., калм. *шээ*, орд. *MA šē*, MNT *šie* 'мочиться';

**iye* → *ē* (с палатализацией предшествующего согласного), примеры: *küliye* → бур. *хулээ* (*xul'ē*), х.-монг. *хулээ*, калм. *кулэ* 'ждать'; *eγiye* → бур. *эрезэн* (*эг'ēγ*), х.-монг. *эрээн*, калм. *эрэн*, орд. *eγēn* 'пестрый'; *üniye* → бур. *үнээн* (*үн'ēγ*), х.-монг. *унээ*, калм. *унэн*, орд. *ünē*, даг.П *ун'э*, MNT *ünien*, MNT *ünien* 'корова';

iγu* → *ü* (с палатализацией предшествующего согласного), примеры: *niγu* → бур. *нюур* (*n'ür*), х.-монг., калм. *нуур*, орд. *nür*, монгол. *niür*, MNT *ni'ür* 'лицо'; *qariγu* → бур. *харюу* (*хаг'ü*), х.-монг. *харюу*, калм. *хару*, орд. *qarü* [qariγü*], даг.П *харү*, MA, MNT *qari'u* 'ответ'; *qaliγun* → бур. *халюун* (*хал'üγ*), х.-монг. *халиун*, калм. *халун* 'выдра', орд. *hal'ü* 'масть коня', MNT *hal'ün* 'коричневый конь', MA *qali'ün* 'бобр';

**igü* → *ü* (с палатализацией предшествующего согласного), примеры: *serigün* → бур. *һэрюун* (*һэ'üγ*), х.-монг. *сэрюун*, калм. *серун*, орд. *serü*, даг.П *сэр'үң*, MA *serün* ~ *seri'ün* 'прохлада'; *tenigün* → бур. *тэнюун* (*тэ'п'ün*), х.-монг. *тэнюун* 'спокойный, тихий';

**aγu* → *ü*, примеры: *aγu* → бур., х.-монг., калм. *уур*, орд. *ür*, даг.П *аү*, MA *a'ür*, MNT *a'ur* 'гнев'; *aγuski* → бур. *уушха*, х.-монг. *уушиг*, калм. *оош*, орд. *üski*, даг.П *аүрки*, MA *a'üski*, MNT *a'üski* 'легкие'; *šibaγun* → бур. *шбуун*, х.-монг. *шувуу*, калм. *шовун*, орд. *šiwü*, даг.П *showö*, MA *šiba'ün*, MNT *šiba'ün* 'птица'; *saγu* → бур. *һуу*, х.-монг., калм. *суу*, орд. *sü*, даг.П *са*, MA *sa'ü*, MNT *sa'u* 'сидеть, садиться';

**egü* → *ü*, примеры: *degü* → бур., х.-монг., калм. *дуу*, орд. *dü*, даг.П *де*, MA *dü* ~ *de'ü*, MNT *de'ü* 'младший брат или сестра'; *negü* → бур., х.-монг. *нуу*, орд. *nü*, MA *ne'ü*, MNT *ne'u* 'кочевать'; *kečegü* → бур. *хэсу*, х.-монг. *хэцуу*, калм. *кецу*, орд. *gečš*, даг.П *кэчү*, MA *kečü*, MNT *keče* 'трудный';

**oγa* → *ö*, примеры: *toγa* → бур., х.-монг., калм. *тоо*, орд. *tö*, даг.П *tö*, MNT *to'a* 'число';

**oγu* → *ö* (перед *i* последующего слога **oγu* → *ö*), примеры: *toγusun* → бур. *тоонон*, х.-монг. *тоос*, калм. *тоосн* 'пыль'; *toγu* → бур., х.-монг., калм. *тоо* 'считать за'; *toγudaγ* → бур., х.-монг. *тоодог*, калм. *тоодг* 'дрофа'; *toγuri* → зап.-бур. *töro*, лит.-бур. *toęerö* (орф. *тойро*), х.-монг. *тойр*, калм. *төөр*, орд. *töri*, даг.П *tör'ṛ*, MA *töri*, MNT *to'ori* 'обходить вокруг';

**uγa* → *ä* или *ö*, примеры: *doluγan* → бур. *долоон*, х.-монг. *долоо*, калм. *долан*, орд. *dolö(n)*, даг.П *долō* (*н*), монгол. *dolön*, MA *dolān*, MNT *dolo'an* 'семь'; *jirγuγan* → зап.-бур. *жоргоон*, йоргоон, лит.-бур. *зургаан*, х.-монг. *зургаа*, калм. *зурхан*, орд. *džurgā*, даг.П *ц'irgō* (*н*), монгол. *džirgön*, MA *jirγu'an*, MNT *jirho'an* 'шесть'; *jirγuγa* → бур., х.-монг. *жороо*, калм. *жора*, орд. *džirö*, даг.П *ц'irö*, монгол. *džiorö*, MNT *žirö* 'иноходец';

**öge* → *ö*, примеры: *bögere* → бур. *бөөрз*, х.-монг., калм. *бөөр*, орд. *börö*, даг.П *бөр*, IM, MNT *bö'ere* 'почки (анат.)'; *ögede* → бур., х.-монг. *өөдэ*, калм. *өөд*, орд. *ödö*, MNT *ö'ede* 'вверх'; *böge* → бур., х.-монг. *бөө*, калм. *бө*, орд. *bö*, MNT *bo'e* 'шаман';

**üge* → *ö*, примеры: *jöge* → бур., х.-монг., калм. *зөө*, орд. *džö*, MA *jö*, MNT *jo'e* 'носить, таскать'; *irügel* → зап.-бур. *үрөөр*, вост.-бур. *юрөөл*, х.-монг. *өрөөл*, калм. *йөрөл*, орд. *öröl*, MA *hirer*, MNT *hiru'er* 'благопожелание'; *širüge* → бур. *сүлөө*, х.-монг. *чөлөө*, калм. *чөлэн*, орд. *tšölö* 'свобода'.

Кроме того, долгота гласного развилась на месте исторических групп **aβ*, **eβ*, **oβ*:

**aβ* → *ü*, примеры: **taβlai* → **taulai* (ср. стп.-м. *taulai*, MA, MNT *ta'ulaj*, даг.П *таүл'э*) → **tülai* (ср. бур., х.-монг. *туулай*, орд. *tülä* 'заяц'); **aβγan* → **auγan* (ср. стп.-м. *auγan*) → **üγan* (ср. бур., х.-монг. *ууган*, калм. *уун*, орд. *ügan* 'старший сын');

**eβ* → *ü*, примеры: **keβ*, **keβken* → **keü*, **keüken* (ср. стп.-м. *keü* 'сын', *keüken* 'дитя; дочь', MNT *ko'un* 'сын'. MA *ke'üt* 'сыновья', MNT *ko'uken* 'ребенок, дитя', даг.П *кёүкё*, MNT *kösh'сын*; дитя', MNT *köshkät* 'дети') → **kü*, **küken* (ср. MA *kün* 'сын', *küken* 'ребенок, дитя', монгол. *kü*, орд. *kü*, х.-монг. *хуу* 'сын; мальчик', бур. *хуугэд* 'дети', *хуухэн*, калм. *куукн* 'девочка; дочь'); **teβke* → **teüke* (ср. стп.-м. *teüke*) → **tüke* (ср. бур. *туухэ*, х.-монг. *туух*, калм. *туук* 'история', орд. *tüxe* 'историческая книга');

**oβ* → *ü*, примеры: **qoβ* → **qou* (ср. стп.-м. *qou*) → **qü* (ср. бур., х.-монг. *хуу*, калм. *хоо*, даг.П *хō* 'все'); **čoβquγ* → **čouquγ* (ср. стп.-м. *čouquγ*) → **čöquγ* (ср. бур. *соохор*, х.-монг. *цоохор*, калм. *цоохр*, орд. *tšöxog*, даг.П *чōхор* 'пестрый').

Долготу гласного дает также комплекс **uβa*, который прослеживается в немногих словах, например: стп.-м. *γowa* (γowa) = бур., х.-монг. *гоо*, калм. *хоо*, орд. *gō* ~ *gōn* 'красивый, изящный', наряду с бур., х.-монг. *гоё* id. Кроме того, х.-монг. *гуа* 'красивый, изящный, нарядный' и зап.-бур. *губаагуи* 'неподходящий, негодный' можно рассматривать как сохранение более древней формы **γuβa*. Слова бур. *хуаа*, *ухаа* (метатеза), х.-монг. *хуа*, *ухаа*, калм. *хо*, орд. *хō* 'каурий, светлорыжий — о коне', MNT *qo'ašcip* (женск.) 'серая, белесая — масть самки' также имеют более древнюю фор-

му *quḡa, зафиксированную в старописьменном языке: (quwa) том же значении 'каурий, рыжеватый, песочного цвета'. С этой лексемой видимо, сопоставимо слово (quba) 'янтарь; янтарного цвета' (ср. бур. хуба, х.-монг. хув, калм. хув id.). Семантическая филиация обусловила и закрепила разницу в фонетическом развитии.

Акад. Б.Я. Владимирцов так представлял себе процесс образования долгих гласных из комплекса VCV: "В очень раннюю эпоху междувокальных $\gamma \sim g$, а еще раньше *w начали ослабляться, становясь все более широкими и вокализируясь; благодаря этому $\gamma \sim g$ или исчезли вовсе или заменились билabiaльным спирантом w в тех случаях, когда один из гласных, чаще всего второй, был $u \sim \ddot{u}$, и спирантом у тогда, когда один из гласных, первый был $i > \ddot{i} \sim i$. В дальнейшем началось ослабление этих w и u и их полное исчезновение. Впоследствии, два гласных, оказавшись рядом благодаря узанной лакуне, слились в один долгий, наблюдаемый в настоящее время. Весь процесс этот возник, по всей вероятности, вследствие второстепенного ударения, падавшего на второй гласный в комплексах $V + \gamma \sim g + V$, $V + *w + V$, — явление, похожее на то, какое можно наблюдать в настоящее время в современных монгольских говорах, например в халхаском, где под влиянием усилившегося второстепенного ударения исчезает гласный первого слога ... Таким образом, напр., $a\ddot{y}a > *a\ddot{y}a > a\ddot{a} > \ddot{a}$, напр.: $\ddot{u}la\ddot{y}an$ (монг.-письм.) 'красный' $> hula\ddot{a}n$ (кит. транскрип.) $> \ddot{u}la\ddot{a}n$ (Араб.) $> \ddot{u}l\ddot{a}n$ (ойрат.-письм.) $> \ddot{u}l\ddot{a}n$ (Баит.) $\sim \ddot{u}l\ddot{a}$ (Халх.); $q\ddot{a}la\ddot{y}un$ (монг.-письм.) $> q\ddot{a}lawi$ (Араб.-фил.) $> q\ddot{a}la\ddot{y}un$ (квадрат.) $> x\ddot{a}l\ddot{u}n$ (ойрат.) $\sim x\ddot{a}l\ddot{y}$ (Халх.) 'горчий'; $\ddot{a}ri\ddot{y}un > \ddot{a}ri\ddot{y}un$ (монг.-письм.) $> \ddot{a}ri\ddot{y}un$ (средн.-монг.) $\parallel \ddot{a}ri\ddot{y}e$ (квадрат.) $> \ddot{a}ri\ddot{u}n$ (ойрат.-письм.) $> \ddot{a}r\ddot{y}$ (Халх.) 'чистый'. Можно отметить случаи, когда бывает затруднительно отличить вторичные $w < \gamma$ от $w < *$, напр.: Араб.-Фил. $kew\ddot{u}rge$ 'мост' $\parallel *k\ddot{ö}werge > \text{монг.-письм. } k\ddot{ö}gerge > \text{Бурят.-Тунк. } x\ddot{u}rg\ddot{e} \parallel \text{тюрк. } k\ddot{ö}brük \text{ id.}$ [Владимирцов, с. 215–216]

Таким образом, основными причинами, повлекшими изменение комплекса VCV в долгий гласный Б.Я. Владимирцов считал ослабление интервокальных согласных и усилившееся второстепенное ударение, падавшее на 2-й гласный данного комплекса.

Однако Б.Я. Владимирцов [с. 222] в то же время отмечал, что " $\gamma \sim g \sim w$ между двумя гласными исчезают в монгольском далеко не во всех случаях. Так, в халхаском, как и в других современных монгольских наречиях, можно указать различные группы слов, в которых заднеязычные шумные, наследники древних $\gamma \sim g$, сохранились и, поэтому, долгого гласного не получились". Представив подобные слова (напр., х.-монг. $\ddot{ö}v\ddot{g}$ 'старик' $< eb\ddot{ü}gen$, $\ddot{a}sga$ 'дядя' $< abaya$, $\ddot{u}d\ddot{g}an$ 'шаманка' $< u\ddot{d}aya$, $\ddot{b}aga$ 'малый' $< ba\ddot{y}a$, $\ddot{d}aga$ 'следовать' $< da\ddot{y}a$ и т.п.) по семасиологическим группам он объясняет сохранение в них интервокальных согласных комплекса VC тем, что все примеры "относятся к категории слов, часто употребляемых повседневной речи, что и создавало для них такое положение в языке, при котором они легче могли сохранить свою "древнюю" форму. Частое употребление не позволяло, по-видимому, второстепенному ударению победить главное, падавшее на первый слог, и, следовательно, создать условия, необходимые для ослабления интервокальных $\gamma \sim g$ и *w и образования долгих гласных через стяжение" [Владимирцов, с. 231–232]. Хотя далее он сам между тем был вынужден признать, что в то же время во мно-

гих не менее употребительных словах (типа дуу 'младший брат', $\ddot{g}m\ddot{z}$ 'верблюд', суул 'хвост', хоолой 'горло' и т.п.) долгота образовалась [см.: Владимирцов, с. 230–231], и есть также немало слов, в которых наряду с сохранением интервокальных согласных развилась долгота 2-го гласного (типа $\ddot{z}ugaa$ 'забава' $< \ddot{y}u\ddot{y}a$, $\ddot{y}n\ddot{c}agaa$ 'ржать' $< in\ddot{c}aya$, $\ddot{y}gaan$ 'розовый' $< ya\ddot{y}an$ и т.п.) [см.: Владимирцов, с. 232–233].

Как справедливо отметил проф. Г.Д. Санжеев, Б.Я. Владимирцов весь процесс образования долгих гласных в монгольских языках неудачно пытался связать с процессом перехода монголов от охотничьего уклада к кочевому скотоводству [см.: Санжеев 1953, с. 78].

Сравнительный материал монгольских языков показывает, что эволюция комплексов VCV в них происходила неравномерно, дав в одном языке долготу гласного и сохранившись в другом, например:

Бур.	Х.-монг.	Калм.	Стп.-м.	Значение
$\ddot{y}rg\ddot{e}n$	$\ddot{z}ruu$	$\ddot{ö}rg\ddot{e}n$	$\ddot{e}r\ddot{ü}g\ddot{u}n$	подбородок, нижняя челюсть
$\ddot{y}n\ddot{ö}rg\ddot{e}n$	$\ddot{y}n\ddot{u}ru$	$\ddot{y}n\ddot{u}r\ddot{h}n$	$\ddot{y}n\ddot{u}r\ddot{y}un$	спина
$\ddot{y}n\ddot{u}rg\ddot{e}n$	$\ddot{y}n\ddot{u}ru$	$\ddot{y}n\ddot{u}r\ddot{h}n$	$\ddot{y}n\ddot{u}r\ddot{y}un$	палец
$\ddot{d}\ddot{e}g\ddot{e}l$	$\ddot{d}\ddot{e}l$	$\ddot{d}\ddot{e}l$	$\ddot{d}\ddot{e}g\ddot{e}l$	шуба
$\ddot{h}u\ddot{g}a$	$\ddot{c}u\ddot{a}$	$\ddot{c}u\ddot{u}$	$\ddot{s}u\ddot{y}u$	подмышка
$\ddot{z}\ddot{g}\ddot{e}m$	$\ddot{z}\ddot{g}\ddot{e}m$	$\ddot{z}\ddot{g}\ddot{e}m$	$\ddot{e}g\ddot{e}m$	ключица

Подобный разнотеч в развитии этих комплексов невозможно объяснить ни изменением социального уклада древних монгольских племен, ни явлением "отсталой фонетической эволюции". Дело здесь, видимо, в другом.

Более рациональный вариант объяснения, почему в одних случаях развивается долгота, а в других комплекс VCV остается без изменения, представлен на наш взгляд, у японского монголоведа Широ Хаттори, предположившего, что, во-первых, было два типа согласного g — смычный g и щелевой γ и, во-вторых, в комплексе VCV было два типа 2-го гласного — долгий VV и краткий V. Щелевой γ стоял перед долгим гласным, т.е. был комплекс V γ VV, а смычный g перед кратким, то есть был комплекс VgV. При этом на месте комплекса V γ VV развился долгий гласный (так появилось, например, $\ddot{d}aa$ 'поднять, осилить' из $*da\ddot{y}a$), а из VgV развития долгого гласного не произошло и комплекс сохранился (так появилось, например, $\ddot{d}aga$ 'следовать за' из $*da\ddot{y}a$) [см.: Hattori, с. 457–459].

Г.И. Рамstedт, кстати, тоже в свое время заметил, что не везде образовалась долгота за счет выпадения согласного g . Но он не принял окончательного решения по этому вопросу, ограничившись просто предположением, что было два звука g : проточный g и смычный g , а также различия в ударении [см.: Рамstedт, с. 24].

Точку зрения Ш. Хаттори поддержал Н.Н. Поппе [см.: Porpe 1962, с. 4], который позднее стал утверждать, что вторичные долгие гласные в монгольских языках развились из комплексов VCV, в которых 2-й гласный был ударным, т.е. $\ddot{s}\ddot{a}$ 'доить' $< *saga$ [см.: Porpe 1965, с. 179].

Монгольский ученый Ш. Лувсанвандан [см.: 1967а, с. 14–26; 1967б, с. 34; 1977, с. 96] как бы синтезирует предположение Г.И. Рамstedта о различии в ударении гласных и догадку Ш. Хаттори о противопоставлении в этих комплексах долгих и кратких гласных и высказывает мысль о том,

что, вероятно, комплексы VCV, давшие долготу и сохранившиеся, действительно первоначально различались ударением и гласные находились на уровне суперсегментных фонем. В дальнейшем гласные, произносившиеся с ударением, удлинились и превратились в долгие. Теперь уже не ударение, долготу гласных стала использоваться для дифференциации морфем и эти долгие гласные стали фонемами. Иначе говоря, суперсегментные фонемы получили статус сегментных фонем. Произошло это, как он считает, по всей вероятности, в конце X столетия. Затем, когда положение долгих гласных укрепились и краткие гласные, находящиеся перед ними и отделенные от них согласными *γ, g, w* и т.п., стали редуцироваться, эти согласные *γ, g, w* совсем ослабели и исчезли. Краткий и долгий гласные, находившиеся по обеим сторонам этих исчезнувших согласных, слились в один долгий гласный. При этом перед тем, как обе эти гласные, имеющие различную длительность, слились в одну долгую гласную фонему, краткий гласный уподобился по качеству долгому, т.е. развитие шло так: *aγūla > aγūla > > a'ūla > o'ūla > u'ūla > ūla* 'гора'; *egūle > egūle > e'ūle > ö'ūle > ü'ūle > ūl* 'облако' и т.п. Гласные же *o* и *ö*, прежде чем исчезнуть, наоборот, уподобились следованию за ними долгие широкие *ā* и *ē*, т.е. *toγā > toγā > to'ā > > to'ö > tō* 'число'; *ögēde > ögēde > ö'ēde > ö'öde > öd* 'вверх'. Эта синтетизированная точка зрения Ш. Лувсанвандана кажется наиболее вероятной.

Исследование способа обозначения долгих гласных в ойратском "ясном письме" при помощи особого бокового диакритического знака "—" (удан) произведенное монгольским ученым Г. Жамьяном, подтверждает предположение Ш. Хаттори и Ш. Лувсанвандана о том, что "в древнем монгольском языке гласный, находившийся после синкопированного позже интервокального *-ə* или *-j*, был долгим, например *saγād* (→ *sañād* → *saād* → *sād*) а не *saγad* 'помеха'" [Жамьян, с. 152].

Однако в недавнем исследовании Н.К. Вербы, посвященном проблемам развития древнемонгольского комплекса с интервокальным согласным в современных монгольских языках, отрицается мнение, что "распад комплексов обусловлен самим интервокальным положением согласных, которые переходя в спиранты, ослаблялись и выпадали" [Верба, с. 3]. С этим мнением трудно согласиться, поскольку в таком случае остается необъясненной причина развития из *-aγu-*, например, *-ū-*, а не *-ā-*, из *-egü-* *-ü-*, а не *-ö-* и т.п., а также почему стал спирантизоваться интервокальный согласный и ряд других вопросов.

Как бы то там ни было, во всяком случае бесспорно, что причиной развития долгого гласного из VCV служит именно особое качество 2-го гласного этого комплекса, ибо характер вторичной долготы, развившейся на его месте в монгольских языках, в отличие от тюркских, устанавливается по 2-му гласному. Так, например, в монгольских языках: бур. *уула*, х.-монг. калм. *уул* 'гора' < **aγūla* < **aγūla*; бур., х.-монг. *халуун*, калм. *халуу* 'горячий' < **qalaγūn* < **qalaγūn*; бур. *хуул*, х.-монг. *суул*, калм. *суул* 'хвост' < **segül* < **segül*. Сравним тюркский тип образования вторичных долгот: др.-тюрк. *qoγγaγū* 'колокольчик' = тув. *коңгураа* 'погремушка, бубенчик', тоф. *hōңгыраа* 'металлические подвески на шаманском костюме'; др.-тюрк. *aγū* 'тяжелый' = хак., тув., тоф. *aap* id.; др.-тюрк. *qoγur* 'каурый, рыжеватый' = хак., тув. *хоор*, тоф. *hōör* id.

Сочетание же VCV с обычными краткими гласными (или с ударным 1-м гласным?) остается без изменений. Иначе невозможно объяснить, почему одинаковые по написанию в старомонгольском языке слова *ᠳᠠᠭᠠᠬᠠ* (*daγaγa*) 'следовать за' и *ᠳᠠᠭᠠᠬᠠ* (*daγaγa*) 'поднять, осилить' дали в современных языках столь разные рефлексy: бур. *дахаха* ~ *дагаха*, х.-монг. *дагах*, калм. *дахх* 'следовать за' из *daγaγa* и бур. *дааха*, х.-монг., калм. *даах* 'поднять, осилить' тоже из *daγaγa*. Почему также комплекс *-iγa-* в *iγaγa* 'указывать' дал долгий гласный (бур. *зааха*, х.-монг., калм. *заах* id.), а в *iγasun* 'рыба' сохранил свою структуру (бур. *загахан*, х.-монг. *загас*, калм. *захсн* id.)? Почему *-aγa-* в *qaγa* 'закрой' дал *ā* (бур., х.-монг., калм. *хаа* id.), а в *qaγa* 'вдребезги' сохранился (бур. *хаха* ~ *хага*, х.-монг. *хага*, калм. *хah* id.)? Все становится на свои места, если согласиться с рассмотренным выше предположением Ш. Хаттори и Ш. Лувсанвандана. Тогда закономерно считать, что *хага* 'вдребезги' развилось из **qāga*, *хаа* 'закрой' — из **qāγā* < **qāγā*; *заа* 'укажи' — из **jīγā* < **jīγā*, а *загахан* 'рыба' — из **jīgasun*; *дааха* 'осилить' — из **daγāqu* < **daγāqu*, а *дагаха* 'следовать за' — из **dāgaqu*; *абага* 'дядя' — из **ābaga*, а *баатар* 'герой' — из **baγātur* < **baγātur*.

Вероятно, и в самом деле этот гласный был сначала просто ударным, а потом на месте ударения в процессе эволюции монгольских языков под влиянием действия тенденции ослабления напряженности артикулирующих органов развилась заместительная долготу. Но если бы эта долготу была первичной, или, иначе говоря, исконной, то ее без сомнения сохранили бы в виде тех или иных рефлексов все без исключения монгольские языки, раз они развились из некоего прамонгольского языка, имевшего первичные долготы. И в то же время бурятский и калмыцкий языки, например, дают иногда краткие гласные там, где в халхаском развилась долготу (напр., бур. *нюрбан*, калм. *нурбан* 'спина', х.-монг. *нуруу*, ср. стп.-м. *niγuγun* < **niγuγun* и т.п.), хотя фонематическое различие долгих и кратких гласных сейчас весьма развито во всех этих трех языках и носители их прекрасно чувствуют долготу гласного. Далее, монгольский и даурский языки, тоже знающие долготу гласных, часто дают на месте комплекса VCV сочетание разных гласных, но без исчезнувшего интервокального согласного, например: мог. *тоа* 'число' — стп.-м. *toγa* (ср. бур., х.-монг. *тоо*, калм. *то* id.); мог. *бōārā* 'почки' — стп.-м. *bōgere* (ср. бур. *бөөрэ*, х.-монг. *бөөр*, калм. *бөөр* id.); мог. *сōш-* 'сидеть' — стп.-м. *saγu-* (ср. бур. *хуу-*, х.-монг., калм. *суу-* id.); мог. *deisun* 'веревка' — стп.-м. *degēsün* (ср. бур. *дээхэн*, х.-монг. *дээс*, калм. *дээсн* id.); даг.П *аул* ~ *аўла* 'гора' — стп.-м. *aγūla* (ср. бур. *уула*, х.-монг., калм. *уул* id.); даг.П *дeү* 'младший брат' — стп.-м. *degü* (ср. бур., х.-монг., калм. *дуу* id.); даг.П *хауичи* 'древний, старый' — стп.-м. *qayūchin* (ср. бур. *хуушан*, х.-монг. *хуучин*, калм. *хуучин* id.). Если бы здесь 2-й гласный был с исконной долготой, то она как-то сохранилась бы.

Все становится понятным, если допустить, что 2-й гласный был в комплексах VCV ударным, впоследствии же он в некоторых монгольских языках стал восприниматься как долгий. В этих языках до сих пор ударный (или ему подобный) гласный в иноязычных словах воспринимается как долгий. Во всяком случае несомненно, что гласные, например русского языка, произнесенные с сильным динамическим или эспираторным ударе-

нием, присущим русскому языку, носителями монгольских языков все принимают всегда как долгие. Для бурятского языка это было отмечено еще А.Д. Рудневым [1913, с. XXXV]: "Везде русское ударение отражается в виде долготы". Примеры он приводит такие: *бѣшѣ* 'печь', *поршѣхѣ* 'просенок', *х'л'ѣмѣ* 'хлеб', *солхѣвѣ* 'целковый (рубль)', *хѣшхѣ* 'кошк', *амбѣр* 'амбар', *хунтѣ* 'фунт', *ол'тѣхѣ* 'литовка (коса для сенокосения и т.п.

У Г.И. Рамстедта [см.: Ramst. KW] находим зафиксированные в калмыцком языке русские заимствования, в которых тоже русский ударный гласный отражается в виде долгого, например: *lātrə* < лампа, *lāwkə* 'торговый магазин' < лавка, *jārtə* < ярмарка, *kanlwa* 'канал, арык' < канáва, *kamzāl* < камзѣл, *komrās* < комнáс (старое произношение, сохранившееся только лишь в языке моряков), *mākin* < мякíна и т.п.

В халха-монгольском языке, по нашим наблюдениям, происходит аналогичная картина, например: *сороочиг* 'рубашка' < русск. *сорѣчка*, *хопоод* < русск. *компѣт*, *бажиинк* < русск. *ботѣнки*, *араажи* < русск. *радиобявѣас* < перевоз, *машаан* < русск. *мáшина* и т.п.

Долгий гласный на месте краткого появляется в бурятском разговорном языке и при заимствовании, например из тюркских языков. Так, зап.-бур. *тѣрѣсѣ* 'крынка' представляет собой заимствованное тюркское слово *tors* 'бурдючок из шкуры с коленного сустава рогатого скота' [см.: Рассадин 1970, с. 55]. При этом восприятие бурятами тюркского *o* как долгого основано на том, что оно произносится более четко, чем последующее узкое. Аналогичная картина у качугского слова *хаабицаг* 'мешочек', которое относится к тюрк. *qarŋiq* — уменьшительная форма от тюркского же *qar* 'мшок'. Долгий гласный представлен и у зап.-бур. *саажа* 'девичья коса', относящегося к тюрк. *saŋi* 'его (ее) волосы' (форма посессива 3-го лица от слова *saŋ* 'волосы') [см.: Рассадин 1977, с. 133]. В тюркских языках гласные *a*, *o* в этих словах произносятся четко и как бы несколько затянуто в позиции перед последующим узким гласным, такова норма тюркского произношения. Поэтому *a* и *o* здесь производят впечатление ударных. В тюркологии вообще приходят к мнению, что древнетюркское ударение помещалось на первом слоге [см.: Гаджиева 1975, с. 257–259]. А поскольку указанные слова бурятами были заимствованы очень давно, когда у них еще были тесные контакты с древними тюрками, то они и воспринимали эти тюркские ударные гласные как долгие.

В тех же монгольских языках, где ударный гласный не стал восприниматься как долгий, он до сих пор сохранил свою краткость. Далее, все монгольские языки на определенном этапе их развития захватила волна изменения, сдвига слоговой акцентуации, сопровождавшаяся явлением ослабления артикуляции. В языках, наиболее сильно захваченных этими процессами, ударный гласный (обычно сильно напряженный) стал передаваться более слабым по напряжению долгим гласным (чем-то надо было компенсировать утрату напряжения), а смычные согласные перешли, ослабившись, в шелевые, шелевые же в свою очередь, ослабившись, растворились среди соседних гласных. Долгий 2-й гласный подчинил себе ослабившийся и порывавший устойчивость артикуляции 1-й гласный. Таким образом, можно связать с этим предположить также, что монгольские языки сначала не имели постоянного фиксированного ударения на начальном слоге слова, уда-

ние. видимо, было подвижным и что слова типа *ayula* 'гора' произносились с ударением на 2-м гласном *u*, т.е. *ayula*. Затем это *u* дало долгий *ū*, а *y* → *h* → hiatus, т.е. *ayula* → *ahūla* → *aūla* → *oūla* → *uūla* → *ūla*.

В тех же языках, где не получили последовательного развития указанные выше явления, процесс перехода ударного в долгий и образования историчной долготы остановился после смены акцентуации слогов (перемещение ударения на 1-й слог слова) как бы на полпути. Поэтому в некоторых современных, особенно периферийных, монгольских языках, например в могольском, долгота гласного успела образоваться лишь на месте тех комплексов VCV, в которых обе гласные были одинаковыми или почти одинаковыми, т.е. *-aya-*, *-ege-*, *-uyu-*, *-ügü-*, *-oyu-*, *-igi-*, *-iye-* и т.п., например:

Мог.	Стп.-м.	Значение
qurūn	quruyun	палец
kış ŋ ūn	küjügün	шея
qōlei	qoyulai	горло
ebčün	ebčigün	грудь
dūŋrūnā	dügürümüi	наполняется
gēnā	gegemüi	теряет
tūlén	tüliyen	дрова
ulōn	ulayan	красный
dēia ~ dēiā	degere	наверху

А там, где в историческом комплексе VCV были представлены гласные разного качества, развитие его в долгий гласный не завершилось, и он застыл на промежуточной стадии эволюции в виде сочетания двух разных гласных, причем первый неогубленный под влиянием второго огубленного получил небольшое огубление, например:

Мог.	Стп.-м.	Значение
toa	toya	число
sōul	segül	конец; хвост
ōādā	ögede	вверх
dōun	dayun	голос
dōun	degü	младший брат
bōārā	bögere	почки

Встречаются в могольском языке и переходные случаи, когда как бы существуют формы с долгим гласным и с сочетанием двух разных гласных, например:

Мог.	Стп.-м.	Значение
sōunā ~ sūnā	sayumui	сидит
bōunā ~ būnā	bayumui	спускается вниз, располагается на жительство
qalōun ~ galūn	galayun	горячий

В дагурском языке наблюдается хотя и сходная типологически, но несколько иная картина. В нем в основном почти все комплексы VCV развились в долгие гласные, т.е. эволюция комплексов пошла дальше, чем в могольском, так что в дагурском долгие гласные представлены в массо-

вом количестве на месте комплексов как с одинаковыми гласными, так и с разными, например:

Даг.П	Стп.-м.	Значение
асō-	asaγu-	спросить
бō-	baγu-	спускаться вниз
сō-	saγu-	сидеть; жить
āši	aγaši	характер
sojō	soyuya	клык
tō	toγa	число
ō-	aγu- ~ uγu-	пить
цалō	jalayū	молодой
дулаң	dulayan	тепло
улаң	ulayan	красный

Но все же, хотя и в относительно немногих словах, на месте комплексов VCV с разными гласными сохраняется сочетание двух разных гласных, например:

Даг.П	Стп.-м.	Значение
аул ~ аўл	aγula	гора
аул'ц'т	aγulja-	встречаться
аўр	aγur	гнев
ц'ёўдәл	jegüdele-	видеть сон
ц'ёўл	jegüle-	бредить
ёўд ~ ёўд	egüden	дверь
ёўл	egülen	облако
сёул	segül	хвост
сүидер	següder	тень

Встречаются единичные примеры, как и в монгольском языке, с обеими вариантами, например:

Даг.П	Стп.-м.	Значение
даў ~ дō	dayun	голос
дёў ~ дū	degū	младший брат

Все эти примеры показывают, что и в дагурском языке эволюция комплексов VCV застыла на полпути.

Таким образом, монгольский и дагурский языки, сохранив на месте долготных комплексов [по терминологии Г.Д. Санжеева, см.: 1977, с. 5] сочетание разных гласных, причем в дагурском они явно редуцированы, косвенно подтверждает наше предположение, что в монгольских языках в свое время происходила смена слоговой просодии и вторые гласные долготных комплексов не имели первичной долготы.

В монголоведении общепризнано, что долготные комплексы с интравокальными согласными, имевшие место в старописьменном монгольском языке, представляют собой древнее состояние монгольских языков, и прочие особенности старописьменного языка [см.: Санжеев 1977, с. 57]. Процесс распада комплексов VCV начался в монгольских языках давно. Так, Н.Н. Поппе [1938, с. 15] по этому поводу писал: "В живой речи монголов согласный γ (resp. g) в положении между гласными в случаях

которых идет речь, удержался недолго. Как показывают данные XIII–XIV ст., эти согласные к тому времени (точнее к середине XIII ст.), пройдя стадию разных типов спонантов, редуцировались и исчезли. По всей вероятности, этот процесс исчезновения γ (g) в случаях, которые мы имеем в виду, начался еще в XIII ст. Точнее время начала этого процесса мы пока определить еще не можем и можем лишь констатировать, на основании словарей и других материалов типа нашего памятника ("Мукаддимат ал-Адаб". — З.Р.), что в XIII ст. никакого γ (g) в разговорной речи не было. К этой стадии, в монгольском историческом языкознании условно называемой средне-монгольской, относятся такие памятники, как выше цитированный Лейденский глоссарий 1245 г., труд Ибн-Муханны и др. К этой же стадии относится и язык письменности, созданной указом юаньского императора Хубилая, известной под названием квадратной письменности. Сюда же относятся китайско-монгольские иероглифические словари начального периода минской эпохи типа Хуа-и-и-юй, монгольский текст известного сочинения Юань-чао би-ши ("Сокровенного сказания"). Словом, к этой стадии языкового развития относится ряд книжных памятников — материалов по разговорной речи. Стадиально сюда же относятся языки моголов и дагуров".

Если обратимся к самим упомянутым источникам, то действительно увидим, что в них в основном на месте комплекса VCV выступают двоеслоги либо с hiatusом (V'V'), либо с билабиальным щелевым w (VwV) между гласными. А то, что образование долгих гласных за счет стяжения этих двоеслогов началось очень давно, еще до XIII в., подтверждается формами с уже развившимися долгими гласными, зафиксированными уже в памятниках XIII в. — в Лейденской рукописи и "Сокровенном сказании монголов" (датируемом обычно 1240 годом). Так, например, в Лейденской рукописи наряду с формами типа

ЛР	Стп.-м.	Значение
ebčewün	ebčigün	грудь
itawun	itayun	куропатка
eiden ~ ewüden	egüden	дверь
auba	aγuba	выпил
aula	aγula	гора
sauba	saγuba	сел
šibawun	šibayun	птица
jewün	jegün	левый
baraun	baraγun	правый
eleür	elegür	здоровый

встречаются слова с уже развившимися долгими гласными, например:

ЛР	Стп.-м.	Значение
ǰıγān ~ ǰuryān	ǰıryayan	шесть
dolān	doluyan	семь
būba dōra	baγuba doura	спустился вниз
tōlaba	toγalaba	считал
dēre	degere	наверху
dōrē	dörüge	стрема

ЛР	Стп.-м.	Значение
emēl	emegel	седло
inēbe	iniyebe	смеялся
imān	imayan	коза
qōlā ~ qōlai	qoɣulai	горло
terūn ~ tirūn	terigūn	голова
bōsūn	bögesūn	вошь

В то же время отдельные слова представлены как с долгим гласным так и с двоеслогом, что говорит о развивающемся, еще не завершившемся процессе, например:

ЛР	Стп.-м.	Значение
hulān ~ hulaan	ulayan	красный
qalūn ~ qalawun	qalayun	горячий; зной

Аналогичную картину дает язык "Сокровенного сказания монголов" в котором тоже наряду с массовыми формами типа

MNT	Стп.-м.	Значение
to'a ~ to'o	toɣa	число
se'ul	segül	хвост
hula'an	ulayan	красный
o'ede	ögede	вверх
a'ur	aɣur	ярость, гнев
a'ula	aɣula	гора
jirho'an ~ jirwa'an	jirɣuyan	шесть
kiru'e	kirüge	пила
e'ude(n)	egüden	дверь
eme'el	emegel	седло

встречаются хотя и редкие, но весьма показательные формы с развившейся долготой, сосуществующей с двоеслогами, например:

MNT	Стп.-м.	Значение
ūhu ~ u'uhū	aɣuqu ~ uɣuqu	пить
ūrgu ~ u'urgu	egürekü ~ ügürekü	нести на спине
adūsun ~ adu'usun	adaɣusun ~ aduɣusun	скот; лошади
adūci ~ adu'uci(n)	adaɣučin ~ aduɣučin	табунщик
jayātu ~ jaya'atu	jayaɣatu	предопределенный судьбой
inēgu ~ ine'egu	iniyekü	смеяться

В памятниках же живых монгольских языков более поздних эпох, например XIV в., формы с долгими гласными либо уже преобладают, либо развились уже почти в половине слов. Так, например, в глоссарии Ибн-Мухаммеды [см.: Поппе 1938, с. 402—408] из 135 лексем, имеющих в своем составе долготный комплекс, у 14 представлены двоеслоги с хиатусом, а у остальных — вторичные долгие гласные. Здесь уже мало слов типа

ИМ	Стп.-м.	Значение
a'ūla	aɣula	гора
da'ū	daɣun	голос
da'ū	naɣur	озеро

ИМ	Стп.-м.	Значение
ni'ūr	niɣur	лицо
ma'ū	maɣu	плохой, дурной
gala'ūn	galayun	горячий
ja'ūn	jayun	сто
jala'ū 'юноша'	jalayū	молодой
se'ūl	segül	хвост
šiba'ūn	šibayun	птица

основном же представлены слова с уже развившейся долготой, например:

ИМ	Стп.-м.	Значение
ūba	aɣuba	выпил
būba	baɣuba	спустился
sūba	saɣuba	сидел
jūn	jegün	левый
dūren	dügüren	полный, наполненный
ebcūn	ebčigün	грудь
e'ū	elegür	трезвый; здоровый
hulān	ulayan	красный
kirō	kirüge	пила
qūčīn	qaɣučin	старый

Такая же в принципе картина и в глоссарии "Мукаддима ал-Адаб", в котором хотя еще и сохраняется довольно много форм с двоеслогами, но уже в очень большом количестве слов долгота предстает развившейся. Часто сосуществуют слова и с долготой и с двоеслогами, такие, например как

МА	Стп.-м.	Значение
adūsun ~ adu'usun	adaɣusun ~ aduɣusun	животное
kūjūn ~ küjū'ūn	küjügün	шея
qarū ~ qari'ū ~ qariyū	qariɣu	ответ
serūn ~ seri'ūn	serigün	прохладный
kōsūn ~ kō'ēsūn	kögesün	пепа
jirγān ~ jirɣu'ān	jirɣuyan	шесть
tōndu ~ to'āndu	toɣa-dur	при счете
jūba ~ ja'ūba	jaɣuba	укусил
mū ~ ma'ū	maɣu	плохой
jalū ~ jala'ū	jalayū	молодой
ūlen ~ e'ūlen	egülen	туча

В подавляющем же количестве слов этого памятника на месте комплекса с одинаковыми гласными уже имеется долгий гласный [см.: Поппе 1938, с. 16—18], например:

МА	Стп.-м.	Значение
sāba	saɣaba	доил
qijār	kijaɣar	край
hulān	ulayan	красный
čēji	čegeji	грудь

МА	Стп.-м.	Значение
jēren	jegeren	антилопа
dēsün	degēsün	веревка
emēl	emeḡel	седло
qōlai	qoyulai	горло
qurūn	quruḡun	палец
ūta	uyuta	мешок
būrul	buḡurul	седой

Комплексы же с разными гласными в тот период эволюции, зафиксированный в языке данного памятника, еще отставали в своем развитии. Основным предстают в виде двоеслогов с разными гласными [см.: По 1938, с. 19–28], например:

МА	Стп.-м.	Значение
jaki'āba	jōkiyaba	сочинил
ni'āba	niyaba	приклеил
keri'ē	keriye	ворона
qali'ūn 'бобр'	qaliḡun	выдра
ni'ūr	niyur	лицо
ni'ūba	niyuba	скрыл
se'ūder	segūder	тень
ši'ūr	šigūr	метла
to'ān	toḡa	число
bō'ēsün	bōgesün	вошь
a'ūski	aḡuški	легкое
ja'ūn	jaḡun	сто
bara'ūn	baraḡun	правый
qoya'ūla	qoyaḡula	вдвоем
ele'ūr	elegūr	трезвый
e'ūden	egūden	дверь

Такая стадия в эволюции долготных комплексов, особенно с разными гласными, продолжала сохраняться в монгольских языках довольно долго. Если судить, например, по особенностям языка монголов XV в., зафиксированным в Стамбульском глоссарии [см.: Ligeti 1962: 1963] и по характеру передачи этимологических долготных комплексов в ранней ойратской письменности (датируемой XVII веком) [см.: Санжеев 1953, с. 32–33].

Так, в Стамбульском глоссарии наряду с долгими гласными в словах типа

VI	Стп.-м.	Значение
dolān	doluyan	семь
dēsün	degēsün	веревка
bōsün	bōgesün	вошь
arūn	ariḡun	чистый
ebcūn	ebčigün	грудь
hurūl	uruḡul	губы
idēn	ideḡen	пища
jōlen	jōḡelen	мягкий
tūlēn	tūliyen	дрова
ūlen	egülen	облако

о множестве представленных слова с двоеслогами с разными гласными, например:

VI	Стп.-м.	Значение
bara'ūn	baraḡun	правый
bile'ū	bileḡū	точильный брусок
dörje	dörḡe	стрема
geši'ūn	gešigün	ветка
itaun	itaḡun	куропатка
jālau 'молодой человек'	jālaḡu	молодой
jaḡun	jaḡun	сто
jurḡu'an	jirḡuḡan	шесть
qalaun	qalaḡun	горячий

В ойратском письменном языке на месте старомонгольских долготных комплексов представлены либо двоеслоги из разных гласных (ou, öü), либо удвоение гласных (uu, üü), либо особая черточка справа (знак "удан") при одном знаке для гласного [см.: Санжеев 1953, с. 32–33], т.е. писали: ilen (стп.-м. egülen) 'облако', pour (стп.-м. paḡur) 'озеро', dolōn (стп.-м. oluyan) 'семь' и т.п. В последнее время монгольский ученый Г. Жамьян основательно предложил читать знак "удан" как долгие ā или ē после соответствующей буквы, т.е. не emēl, а emē'ēl 'седло', не tō, а to'ā 'число', не olōn, а dolo'ān 'семь', не yabūd, а yabu'ād 'уйдя', не barīd, а bari'ād 'схватив', не bōrō, а bō'ērō 'почки' и т.п. [см.: Жамьян, с. 150–152]. Его поддерживают проф. Г.Д. Санжеев [см.: 1977, с. 117–120] и акад. Ц. Дамдинсурэн [см.: с. 60–61]. Таким образом, ойратская письменность фактически реально отражала еще то состояние большинства ойратских диалектов XVII в., при котором у них еще не был полностью завершен процесс образования долгих гласных за счет стяжения двоеслогов [см.: Санжеев 1953, с. 33]. Фактически ойратские формы половины XVII в. были еще довольно близки формам, представленным в памятниках монгольских языков XIII, XIV и XV вв., о которых говорилось выше. Сравним для примера ряд слов, представленных ойратской и старомонгольской письменностями:

Ойр.-письм.	Стп.-м.	Значение
oula	aḡula	гора
our	aḡur	гнев
ou-	aḡu- ~ uḡu-	пить
asou-	asaḡu-	спрашивать
ouški	aḡuški	легкие
sōül	segül	хвост
öür	egür	гнездо
öüden	egüden	дверь
kōböün	kōbegün	сын
eriül ~ eröül	eregül	здоровый
yabuad	yabuḡad	уйдя
abuad	abuḡad	взяв
gōrōesün	gōrūgesün	зверь
ideen	ideḡen	пища

Совершенно прав Г.Д. Санжеев [1977, с. 130–131], утверждая, что

З. Зак. 780

"долготные комплексы ОПЯ (ойратского письменного языка. — В. позволяют теперь с большой уверенностью заключить, что хронологические рамки среднемонгольской стадии развития наших языков (гласный + гласный" после выпадения интервокальных согласных и до слияния гласных в один долгий) следует раздвинуть примерно до (половины? конца?) XVII в., а не XV—XVI вв., как это было принято считать до пор применительно к основным монгольским языкам, т.е. халха-монгольскому и бурятскому, а также ойратским диалектам. Причем процесс образования долгих гласных от одних долготных комплексов протекал гораздо медленнее и с большим числом промежуточных фаз, нежели от других, особенно таких, которые содержали одинаковые гласные".

В бурятском языке, в котором процесс ослабления артикуляции западнее, чем в других монгольских языках, и захватил весь язык, ослабление и выпадение интервокальных согласных и образование вторичных долготы гласных за счет стяжения происходит и в наше время. Это касается ослабления согласного *h* < **s* и выпадения его почти во всех западных бурятских говорах. При этом в результате либо образуются на месте двоеслога настоящий долгий гласный, либо два гласных еще успели стянуться в один монофтонг и пока сохраняют между собой hiatus.

Так, выпадение *h* в середине слова наблюдается в боханском говоре. По утверждению М.П. Хомонова [1965, с. 44] "этот процесс, видимо, только начинающийся, территориально охватывает не все население данного лингвистического района. Например, *саан* в м. *саһан* (снег), *загаан* в м. *гаһан* (рыба), *нараан* в м. *нараһан* (сосна), *ялаан* в м. *ялааһан* (муха) и т.д. Подобные явления наблюдаются в улусах Тараса, Буреть, Шаралдай, Бой. В исходном падеже также наблюдается выпадение *h*, например *тэрэ улаһа* в м. *тэрэ уладаһа* *һама убээ* (лучше нет тех народов)". В боханском говоре этот процесс действительно начался недавно, когда вокализм первых слогов принял уже современный характер, поэтому долготы стали развиваться на месте сочетания *-аһа-*, в основе которого исторически было *-asu-* (ср. стп.-м. *časun* 'снег', *ᠵᠢᠭᠠᠰᠤᠨ* 'рыба', *naᠷᠠᠰᠤᠨ* 'сосна' и т.д.).

Видимо, гораздо древнее этот процесс у байкало-кударинских бурят, у которых тоже образовались долгие гласные на месте стяжения кратких гласных после выпадения находившегося между ними *h*, поскольку в отличие от боханских бурят байкало-кударинцы вместо *загаан* скажут *загуун* 'рыба' и т.п. Появление здесь и в подобных случаях долгого *уу* на месте боханского долгого *аа* объяснимо, вероятно, тем, что образование долгого *уу* происходило еще в то время, когда вторым гласным измещавшегося здесь комплекса VCV был огубленный *у*, то есть слово первоначально имело облик не *загаһан*, а **загаһун*, причем аффикс **-һун* (< *-hūn*) имел, вероятно, ударение, давшее впоследствии долготу этого *у*. Поэт совершенно справедливо Ц.Б. Цыдендамбаев [1964, с. 63—64] видит причину появления *уу* в кударинском *загуун* на месте *загаһан* во влиянии более древнего характера гласного в аффиксе: "Выпадение интервокального рингального *h* главным образом в словообразовательной части, а также в середине слова нередко приводит к превращению кратких гласных в один долгий. При этом если краткие гласные оказываются не однотипными, долгота устанавливается по второму гласному. Так, например, кударинцы говорят *анзэуун* (вероятно, из *анзаһун*, ср. старописьменное *анжису* в

В. нии 'соха, плуг'), *загуун* (из *загаһун*, ср. *жигаса* 'рыба'), *холтэуун* (из *халтэһун*, ср. *холтосо*) 'кора (древесная)', *үрмэдэуун* (из *үрмэдэһун*) 'полюшко', *элэуун* (из *элэһун*, ср. *элэсу*) 'песок' и т.д. Выпадение интервокального *h* в причастиях прошедшего времени, независимо от вокализма основы, приводит к образованию долгого гласного *аа*, так как в изучаемом говоре это причастие имело афф. *-һан* (из неупотребительного ныне глагола 'быть'): *бухал шэраан хубуун* 'мальчик, возивший конны' (надо полагать, из *шэрэһан*), *үхэаан хуун* 'умерший человек' (из *үхэһан*) и т.д. Выпадение *h* между гласными отмечается и в баргузинском говоре. При этом, в отличие от байкало-кударинского, здесь еще не происходит полного стяжения двух разных гласных в долгий монофтонг. На месте бурятского комплекса *-VhV-* (< *-VsV-*) представлено сочетание *V:V*, где 1-й гласный комплекса — долгий *уу* или *уу*, 2-й гласный — *а* или *э*, а между ними hiatus на месте выпавшего *h*, например [см.: Раднаев 1965, с. 82]:

Бург.	Байк.-кудар.	Лит.-бур.	Стп.-м.	Значение
<i>загуу'ан</i>	<i>загуун</i>	<i>загаһан</i>	<i>ᠵᠢᠭᠠᠰᠤᠨ</i>	рыба
<i>дабуу'ан</i>	<i>дабуун</i>	<i>дабаһан</i>	<i>ᠳᠠᠪᠠᠰᠤᠨ</i>	соль
<i>наруу'ан</i>	<i>наруун</i>	<i>нараһан</i>	<i>ᠨᠠᠷᠠᠰᠤᠨ</i>	сосна
<i>шэнуу'эн</i>	<i>шэнуун</i>	<i>шэнэһэн</i>	<i>ᠰᠢᠨᠡᠭᠦᠨ</i>	лиственница
<i>нэруу'эн</i>	<i>нэруун</i>	<i>нэрэһэн</i>	<i>ᠨᠡᠷᠡᠰᠦᠨ</i>	голубица

Однако, при наращивании аффиксов родительного и исходного падежей подобных словах появляется только долгий *уу* или *уу*: *загуунаан* 'с рыбы', *нарууни* 'сосны', 'сосновый', *нэруунаа* 'с голубицы' [см.: Раднаев 1965, с. 82]. По свидетельству Э.Р. Раднаева [1965, с. 82], *h* в баргузинском говоре выпадает также в аффиксах причастий, в формах пожелания в глаголах в сложных словах, при этом образуется либо долгий гласный, либо дифтонг (двоеслог?), например:

Бург.	Лит.-бур.	Значение
<i>ераан</i> , изредка <i>ерээн</i>	<i>ерэһэн</i>	пришедший
<i>ошаан</i> , — "— <i>ошоон</i>	<i>ошоһон</i>	сходивший
<i>бэшаан</i> , — "— <i>бэшээн</i>	<i>бэшэһэн</i>	писавший
<i>ябаан</i>	<i>ябаһан</i>	ушедший
<i>ерээб</i>	<i>ерэһэйб</i>	пришел бы
<i>ошаэб</i>	<i>ошоһойб</i>	сходил бы
<i>эсази</i>	<i>эсэһэйи</i>	устал бы

Появление в баргузинском говоре *уу* или *уу* в предконечном слоге, перед hiatusом, можно объяснить, на наш взгляд, метатезой. Так, например, из **загаһуун* после выпадения *h* возникло **зага'уун*, при метатезе — *загуу'ан* 'рыба'. Процесс этот начался во всей вероятности еще тогда, когда в современном бурятском афф. *-һан* < **-һун* < **-hūn* произносился баргузинскими бурятами гласный *у*. Хотя в то же время баргузинский говор в других словах сохраняет более архаичный состав гласных первых слогов, например [см.: Раднаев 1965, с. 82]:

Бург.	Лит.-бур.	Стп.-м.	Значение
<i>таргуун</i>	<i>тарган</i>	<i>taryun</i>	жирный
<i>амгуулан</i>	<i>амгалан</i>	<i>amuᠭulang</i>	тихо, мирно
<i>таху</i>	<i>таха</i>	<i>taqa</i>	подкова
<i>алху</i>	<i>алха</i>	<i>aluqa</i>	молоток

У тункинских бурят тоже зафиксировано выпадение *h* между гласными и образование долгих гласных. Так, К.М.Черемисов [1941, с. 125] по этому поводу следующее: "Можно отметить для тункинского диалекта частый факт стяжения в долгий гласный сочетания "гласный + *h* + ный": *годоон* вм. *годоһон* 'кожа на ногах животного', *энэ дасан бари* вм. *энэ дасан баригдаһаар* 'с тех пор как построен этот дацан', ... *ябааһаан* 'ушедший', *шөлөөн* вм. *шүлэһэн* 'слюна', *хараан юмэ үгэй* 'не в и даже: *һарьяан* (вм. *һариһан*) *эрбээхэй* 'летучая мышь'".

Как отмечает А.Г. Митрошкина [1968, с. 54], "известный интерес представляет слабая артикуляция качутского интервокального *h*, особенно первых слогов основы и в формативе исходного падежа. Примеры: *га'ан* вм. *зумаһан* (щепки), *хубуунэ'эн* вм. *хубуунһэн* (от сына своего), *Москваа'ан* вм. *Москвааһан* (из Москвы). По характеру произношения слов с выпавшим интервокальным *h* описываемый говор напоминает голыхонских бурят. Как и в последнем, в качутском говоре на месте выпавшего *h* образовывается как бы разрыв между гласными, например *гу'ун* (рыба). Но стяжения гласных в нем не наблюдается. Иными словами, выпадение *h* не дает долгого гласного, как в ольхонском говоре. Одина в речи одного и того же носителя говора спираント *h* может и выпадать, и таваться".

По свидетельству И.Д. Бураева [1968, с. 131], "в аларском говоре встречается выпадение звука *h* в интервокальном положении и в окончании исходного падежа. Например, вм. *бур'аһаараа* говорят *бур'азаараа*, *хаанаһаа* — *хаанаа*, *арбанаа* вм. *арбанһаа* и т.д."

Исчезновение *h* между гласными характерно также для старобаргутского (хучин-баргутского) говора, о чем сообщает Б.Х. Тодаева [1960, с. 10], например: *бур. оёмһдн*, шинэ-баргут. *оёмһү*, хучин-баргут. *оёмү* 'чужой'. О выпадении *h* в интервокальном положении и образовании долгих гласных вследствие этого в говоре хучин-баргутов Кулун-Буира писал и Чингизов [1950-х годах]. Он приводил следующие примеры: монг. *хус* — ст.-бар. 'береза', монг. *улиас* — ст.-бар. *ул'а* 'осина', монг. *унс* — ст.-бар. *уну* 'эхо', монг. *хорс* — ст.-бар. *хуру* 'почва'. Кроме того, в старобаргутском говоре фарингальный *h* выпадает в именах в исходном падеже и в причастиях прошедшего времени: *адүн'а* 'из табуна' (ср. новобаргутско-бурятское *адүн'а* 'из дома' (ср. новобар.-бур. *гэрһэ*), *јовон хун* 'ушедший человек' (ср. новобар.-бур. *яһан хун*) и т.д. [баргутские примеры см.: Пыденко, баев 1964, с. 66].

По свидетельству монгольского ученого Ж. Тумурцэрэна [см.: Тумурцэрэн 1971а, с. 207], в чивчин-баргутском говоре согласный **s*, развиваясь в баргу-бурятском говоре в *h*, дал *x* (через стадию *h*). В середине слова в интервокальном положении этот *x* выпадает, образовав хиатус между гласными, иногда возникает и вторичный долгий гласный. Примеры:

Стп.-м.	Баргу-буряты	Чивчин-баргуты	Значение
usun	uhū	uhū ~ uū	вода
tosun	tohū	tohū ~ to'ō	масло
qulusun	xuluhu	xul'ū	тростник
ger-eče	gerehē	ger'e	из дома
aduγun-ača	adūnahā	adūn'ā	из табуна
mölsün	mölöhū	mölū	лед

Таким образом, процесс образования вторичных долгих гласных за счет выпадения интервокальных слабых согласных, захвативший в свое время все монгольские языки, еще не затух окончательно и в какой-то мере продолжается в бурятских, точнее западнобурятских, говорах, а изоглосса этого явления ведет далеко от Байкала — к баргутам, связанным с бурятами своим происхождением.

Сохранение древней долготы?

В бурятском литературном языке и его говорах наблюдается долгота гласных там, где в старописьменном монгольском, а также в средневековых монгольских языках она ничем не обозначена. На месте бурятских долгих в таких случаях везде стоят краткие гласные. Объяснить в данных случаях появление долготы за счет выпадения интервокального согласного в комплексе VCV не представляется возможным, потому что и комплекса этого здесь нет. Примерами могут служить следующие слова:

бии (цонг.) — лит.-бур., х.-монг., калм. *би*, стп.-м., МА, MNT *bi* 'я';
чи (цонг.) — лит.-бур. *ши*, х.-монг., калм. *чи*, стп.-м., МА, MNT *xi* 'ты';
таа (цонг.) — лит.-бур., х.-монг., калм. *та*, стп.-м., МА, MNT *ta* 'вы';
таргуун (барг.) — *тарагуун* (хамниг.) — лит.-бур., х.-монг. *тарган*, калм. *тарһн*, стп.-м., МА *tarγun* 'жирный';
ниидхэ (общебур.) — х.-монг. *нисэх*, калм. *нисх*, стп.-м. *niskū*, Ма *niš* 'лететь';
жиир, *жиирэй* (лит.-бур.) — х.-монг. *жир*, *жирийн*, калм. *йир*, *йирин*, стп.-м. *jir*, *jirün* 'обычный, заурядный, простой';
бицрэ (лит.-бур.) — х.-монг. *бийр*, элют. [Ramst. KW] *bīr*, стп.-м. *bir* 'кисточка для письма';
түмһэн (зап.-бур.) 'луковица сараны; мошонка животного' — лит.-бур. *түмһэн* 'луковица растений, клубень', х.-монг. *тамс*, стп.-м. *tömüsün* 'картофель; луковица сараны; testiculi';
жимэгэр (лит.-бур.) — х.-монг. *жимгэр*, калм. *жимгэр*, стп.-м. *jimiger* 'поджатый — о губах';
булгааһан, *балгааһан* (зап.-бур.), *балгоос* (сарт.) 'летняя деревянная юрта' — х.-монг. *балгас*, калм. *балһен*, стп.-м. *balγasun* 'город', МА *balγasun* 'город; стена; дворец, постройка';
бургааһан (общебур.) — х.-монг. *бургаас*, калм. *бурһсн*, стп.-м., МА *burγasun* 'ветвь';
хилгааһан (общебур.) — х.-монг. *хялгас*, калм. *килһсн*, стп.-м. *kilγasun*, МА *qilγasun* 'конский волос';
хабхаа(н) (лит.-бур.) — х.-монг., калм. *хавх*, стп.-м. *qa bqa* 'капкан';
хизаалан (э) (общебур.) — х.-монг. *хязалан* (э), стп.-м. *kiγalang* 'четырёхгодовалая кобылица';
шиидам (лит.-бур.) — х.-монг. *шийдам*, *шийдэм*, стп.-м. *šidam* 'дубина', калм. *шиидм* 'длинный — о палке';
баабай (общебур.) 'отец; папа; дядя' — х.-монг. *баабай* 'отец', калм. *баав* 'отец', стп.-м. *baba* 'отец; прадед';
шалбааг (общебур.) — х.-монг. *шалбаа*, *шалбааг*, калм. *шалва*, стп.-м. *šilbaγ* 'лужа';
шиидхэ (общебур.) — х.-монг. *шийтгэ*, калм. *шиид*, стп.-м. *šidke* 'решить';

сүү (тунк., окин.) — лит.-бур. *hун*, зап.-бур. *үһэн*, х.-монг. *сүү*, калм. *ушн*, стп.-м., МА *sün* 'молоко'.

В то же время в бурятском языке имеется большая группа слов, в которых комплекс VCV не дал ожидаемой долготы гласного за счет выпадения интервокального согласного, он сохранился, но зато второй гласный произносится с долготой, например:

амгуулан (барг.) — лит.-бур. *амгалан* (г), калм. *амһлң*, амтп.-м. *amuyulang* 'тихо, мирно, спокойно', МА *amulan* 'отдых', MNT *amulang* 'покой, радость';

богоол (наряду с *боол*) — х.-монг. *боол*, калм. *боһл*, стп.-м. *boʷul*, *bo'al* ~ *bōl*, MNT *bo'ol*, ИМ *bo'al* 'раб';

агаар — х.-монг. *агаар*, калм. *аһр*, *аһар*, стп.-м. *аҕаг*, *аҕаг-а* 'воздух, атмосфера; погода';

адагуусан (устар.) — общебур. *адууһан* 'скотина' х.-монг. *адуус*, *адгус*, калм. *адусн*, стп.-м. *adaγusun*, *aduγusun*, МА *adu'usun*, *adusun*, MNT *adu'usun* 'лошади; скот';

ирагуу — х.-монг. *яруу*, калм. *яру*, *ирү*, стп.-м. *irayu* 'звучный, мелодичный';

изагуур 'род, происхождение' (ср. *узуур* 'корень, основание') — х.-монг. *язгуур* 'происхождение; корень, корешок' + *ёзоор* 'основание, корень', калм. *йозур*, стп.-м. *ijayur* 'корень, основание, происхождение';

арьятан — х.-монг. *араатан*, стп.-м. *ariyatan* 'хищник', калм. *арат* 'лишай', МА *ari'atu* 'имеющий клык';

мэнгээрһэн — х.-монг. *мөгөөрс*, калм. *мөөрсн*, стп.-м. *mögersün* 'хряки';

хизагаар (книжн. высок.) — разг.-бур. *хизаар*, х.-монг. *хязгаар*, калм. *хизар*, стп.-м. *kiʷaγar*, МА *qijar* 'граница, рубеж';

инсагаа — х.-монг. *янцгаа*, калм. *инцха*, стп.-м. *inʷaγa* 'ржать';

шагаа — х.-монг. *шагаа*, *шагай*, калм. *шаһа*, стп.-м. *ʃiya* 'смотреть; заглядывать; в цель';

жэгуур 'крыло' — бур. *жэбэр* 'крыло; маховые перья в крыльях', х.-монг. *жигуур* 'крыло; фланг', *живэр* 'плавник у рыбы', калм. *живр*, стп.-м. *jigür*, *jibeg* 'крыло';

зугаа 'беседа, разговор; пир, веселье'; (аларск.) 'песня' — х.-монг. *зуха*, калм. *зуһа*, стп.-м. *juʷa* 'развлечение, веселье';

сагаан — х.-монг. *цагаан*, калм. *цаһан*, стп.-м. *ʃaγan*, МА *ʃaγan*, MNT *haγan*, *saḡa'an* 'белый';

сэгээн 'светло-голубой' — х.-монг. *цэгээн*, калм. *цэгэн*, стп.-м. *ʃegän* 'светлый';

ягаан — х.-монг. *ягаан*, калм. —, стп.-м. *yaγan* 'розовый'.

Как видно из примеров, долгота этих гласных появляется иногда и в х.-монг. и в калмыцком языках. Случаи появления долготы подобного типа отмечаются и в других монгольских языках, например в монгольском и дагурском [см.: Ропре 1955, с. 74–76].

даг. П *кᠢ* — х.-монг. хий-, орд. *kᠢ*, монгор. *gi*-, калм. *ке*-, бур. *хэ*-, стп.-м. *ki*-'делать';

даг. П *оᠩ* — х.-монг., бур., калм. *он*, орд. *on*, монгор. *fän*, МА *hön*, стп.-м. *on* 'год';

даг. П *сᠣ* — х.-монг., тунк., окин. *сүү*, лит.-бур., вост.-бур. *һун*, зап.-бур. *үһэн*, калм. *ушн*, монгор. *sun*, мого. *shsh*, МА, стр.-м. *sün* 'молоко';

даг. П *мᠣд*, монгор. *mōdi* — х.-монг. *мод*, бур. *модон*, калм. *модн*, орд. *modu*, мого., стп.-м., МА *modun*, MNT *mudun* 'дерево';

монгор. *dāxu* — х.-монг., бур. *даха*, калм. *дах*, орд. *daḡu*, стп.-м., MNT *daḡu* 'доха';

монгор. *fōdi* — даг. П *од* ~ *оддᠣ*, х.-монг. *од*, бур. *одон*, калм. *одн*, орд. *du*, МА *hodun*, стп.-м. *odun* 'звезда';

монгор. *dāru* — х.-монг., калм. *дар*-, бур. *дара*-, орд. *daru*-, даг. П *дара*-, стп.-м. МА *daru*-'давить'.

Относительно долготы гласных этого типа можно предположить, что она является пережиточным рефлексом какой-то более древней просодии. Так уже нами отмечалось выше, это могла быть долгота, отразившая более древний сильный ударный слог при проявлении общей тенденции ослабления артикуляции звуков, в разной степени охватившей все монгольские языки, хотя есть мнение, что это остатки древних первичных долгих гласных [см.: Ропре 1965; с. 179].

Монофтонгизация дифтонгов

Одной из причин возникновения долгих гласных в бурятском языке является тенденция к монофтонгизации дифтонгов (правильнее в данном случае — дифтонгоидов), развивавшихся из комплексов *Vji* в начале и *се* в конце слова и *Vi* в конце слова [см., напр.: Санжеев 1953; с. 80]. Причем тенденция эта в бурятских говорах реализуется по-разному.

Для хоринского говора А.Д. Руднев [1913, с. I–V] везде в ауслауте на месте исторического дифтонга *Vi* отмечал долгий монофтонг, причем явно выраженным "опереднением" компонента *V*. Так, например, он фиксирует *танā* 'ваш' (лит. *танай*), *намтā* 'со мной' (лит. *намтай*), *бāбā* 'тятя' (лит. *баабай*), *Лод᠔* — имя собственное Лодой, *ор᠔ᠣᠲ* 'запоздав, замешавшийся' (лит. *оройтоод*), *ор᠔ᠵ* 'обернув' (лит. *оройжо*), *уб᠔ᠢш᠄ᠡ* 'дурак' (лит. *убэштэй*), *худ᠔* 'сколько' (лит. *хэды*, стп.-м. *kedüi*). Давая в своем труде сравнительную фонетику монгольского письменного языка хори-бурятского говора, он приводит таблицу, в которой показано реальное произношение в хоринском говоре дифтонгов в 1-м и в остальных слогах. Более дифтонгоподобное произношение сохраняется, по его мнению, в 1-м слоге, а во всех остальных, особенно в абсолютном конце слова, звучат в основном долгие монофтонги. Его транскрипция такова:

Исх.

Очертание

1-й слог

Остальные слоги

aji

ae

ē, ā, ä, ī

eji

ī

ē, ī

oji

oe

ō, ö

yji

yī

yī, yī, yī, wī, ī

И.Д. Бураев [1959], исследовавший на основе экспериментальных данных звуковой состав бурятского литературного языка, тоже приходит к выводу, что бурятские дифтонги *ae*, *oe*, *yī* проявляются как долгие монофтонги, главным образом в непервых слогах. В первых слогах они произносятся все же ближе к дифтонгам. Объясняется это общей закономер-

ностью бурятского языка, дающего более напряженные гласные в первом слоге и менее напряженные в последующих [см.: Бураев 1959, с. 14]. При этом он отмечает [с. 144–145, 149–151, 157], что исторические дигонги **ui* и **iii* в непервых слогах развились в долгий монофтонг *ui* (орф. *уи*), а исторический дифтонг **ei* дал долгий монофтонг *ээ*, являющийся отком фонемы *ээ* и только орфография искусственно продолжает обозначать дифтонг *эй* там, где все произносят вместо него долгий монофтонг *ээ*.

Если обратимся к сугубо диалектологическим работам, то увидим, что бурятоведы-диалектологи отмечают во многих говорах тенденцию представлять дифтонги как долгие монофтонги, причем опередненные и во всех позициях. Рассмотрим конкретные примеры.

Например, в материалах по нижеудинскому говору, приводимых Г.Д. Санжеевым [см.: 1930], везде на месте исторических дифтонгов даны долгие опередненные монофтонги. Вот некоторые его примеры с нашими сравнениями: **xūṛā* 'сухой' (стп.-м. *qayurāi*), **noḵē* 'собака' (стп.-м. *noḵai*), **mōhēṇ* 'черемуха' (стп.-м. *moysun*), **nīlkē* 'соединить' (стп.-м. *neyilekū*), **dālai* 'море' (стп.-м. *dalai*), **bāiḵā* 'быть' (стп.-м. *baiyū*), **gaḵā* 'свинья' (стп.-м. *yaqai*), **ṣāi* 'чай' (стп.-м. *ṣai*), **nōṭgōṇ* 'мокрый' (стп.-м. *noyitun*).

А.А. Дарбеева [1978, с. 29–31, 32–33, 37–42] тоже отмечает как характерный признак нижеудинского бурятского говора переход *i*-образных исторических дифтонгов в долгие монофтонги. Так, *ai* дал *ā*; *ei* — *ā* или *ē*, например: **gākā* 'свинья' (стп.-м. *yaqai*, лит.-бур. *gaḵai*), **kāi* 'ножницы' (стп.-м. *qayici*, лит.-бур. *хайша*), **āmkā* 'боязливый' (стп.-м. *ayimqai*, лит.-бур. *аймхай*); **kelkā* 'заика' (стп.-м. *kelegei*, лит.-бур. *хэлхэ*), **kerōṣgē* 'пустельга' (лит.-бур. *хюрөөсгэй*); **kormā*, **kormē* 'подол' (стп.-м. *qoṭmūi*, лит.-бур. *хормой*), **noḵā*, **noḵē* 'собака' (стп.-м. *noqai*, лит.-бур. *хой*), **hōr* 'глухарь' (стп.-м. *soyū*, лит.-бур. *ноур*), **mōhōṇ* 'черемуха' (стп.-м. *moysun*, лит.-бур. *мойнон*). Дифтонги *ui* и *iii* в первом слоге обычно сохраняются, например: **uyāṇ* 'узкий' (стп.-м. *uyitan*, лит.-бур. *уйтан*), **gūi* 'гаты' (стп.-м. *gūyi*, лит.-бур. *гуй*). В конце же слова дифтонг *ui* переходит в долгий узкий разгубленный монофтонг *ū*, например: **urgūi* 'подсвист' (стп.-м. *igayūi*, лит.-бур. *ургы*), **karḡūi* 'дорога' (стп.-м. *qayūi*, лит.-бур. *харгы*), **kanṣūi* 'рукав' (стп.-м. *qanṣūi*, лит.-бур. *хамсы*). В отдельных случаях происходит монофтонгизация и дифтонга *iii*, при этом он тоже переходит в долгий узкий разгубленный мягкорядный *ī*, например: **kīteṇ* 'подно' (стп.-м. *kūyiten*, лит.-бур. *хүйтэн*, ср. калм. *киити*). Кстати, аналогичный переход **ūyi* в *ī* наблюдается также в восточных бурятских говорах, что нашло отражение и в литературном языке, о чем см. ниже.

Относительно перехода дифтонгов в долгие гласные в тункинском говоре его исследователь Д.А. Абашеев пишет [с. 7–8]: "Дифтонги тункинского говора *аз*, *оз*, *уи* и *уи* характеризуются тенденцией к монофтонгизации. Как в односложных, так и в многосложных словах дифтонги... в определенном положении превращаются в обыкновенный долгий гласный, и второй элемент как бы совершенно стирается". К сожалению, применяемая им транскрипция не позволяет графически точно передать эту разницу в дифтонговом и монофтонговом характере звуков, так как и долгие монофтонги и дифтонги переданы одинаково посредством сочетаний *бу*, *буэ*, *буи*, *буэи*, например: *азл* 'сосед', *дазн* 'война', *назн* 'хороший', *оз* 'ло

оз 'вершина', *уи* 'печаль', *гуилга* 'подарок', *зуил* 'род, сорт', *түимэр* 'пожар', *түи* 'обуза, несчастье'. Поэтому приходится верить ему на слово [см.: Абашеев, с. 8].

В боханском говоре тоже наблюдается, судя по утверждению М.П. Хонина [1965, с. 41], появление долгого *ā* из дифтонга *ai*, например: *āi* 'лус', *hāng* 'хороший', *hāhan* 'красивый'. К сожалению, о развитии в монофтонги других дифтонгов он ничего не говорит. Но, как показывает приво-дмый им материал, сюда же можно добавить появление долгого *ээ* из *ai* и *ei*. Так, у него находим *noḵээ* 'собака' (стп.-м. *noqai*, лит.-бур. *нохой*), *элээ* 'рукавицы' (стп.-м. *begelei*, лит.-бур. *бээлэй*), *убээ* 'нет' (стп.-м. *ei*, лит.-бур. *угы*).

Переход дифтонгов, особенно *ai*, *ei*, *oi*, в долгие монофтонги *ā*, *ээ*, *ō* на-дидим в качугском говоре, например. *bāna* 'стоит' (лит.-бур. *байна*), *xāxa* 'теснеть' (лит.-бур. *хайха*), *xōno* 'на севере; сзади, позади' (лит.-бур. *хонно*), *dāmээ* 'зря; бедовый' (стп.-м. *demei*, лит.-бур. *дэмы*), *dūlээ* 'глу-хой' (стп.-м. *dūlei*, лит.-бур. *дули*) [см.: Митрошкина 1968, с. 49–50]. Аналогичная картина и в эхирит-булагатском говоре [см. Матхеев 1957, 202].

Широко представлены долгие монофтонги вместо дифтонгов и в алар-ском говоре. Н.Н. Поппе [1930а, с. 57–58] пишет об этом: "Что касается аларского говора, как вообще и ряда других западно-бурятских, по край-ней мере говоров, то там дифтонги развились в долгие гласные, притом всегда в долгие гласные переднего ряда, каковой переход дифтонгов с первым гласным в качестве первого компонента в передний ряд обуслов-лен влиянием **i*". При этом в односложных словах, как правило, разви-лись чистый долгий гласный (напр., *ā*), а в многосложных — долгий гласный с призвуком *i* (напр., *āi*). Примеры [см.: Поппе 1930а, с. 58]: -*ay-i* (в ауслау-те *ai*) дал *ā*, *āi* (напр., *dāṇ*, 'враг; война', *hāṇ* 'хороший', *hāiḵāṇ* 'прекрас-ный, хорошенький'); -*oy-i* (в ауслау-те *oi*) дал *ō*, *ōi* (напр., *ō* 'лес', *hōr* 'глухарь', *orō* ~ *orōi* 'макушка'); -*uy-i* (в ауслау-те *ui*) дал в ударенном слоге *ū*, *ūi*, в неударенном — *ū* (напр., *ūi* *hāḵā* 'плакать', *ūi* *hāṇ* 'береста', *meṭi* 'рукав'); -*ey-i* (в ауслау-те *ei*) дал в ударенном слоге *ī*, в неударен-ном — *ēi* (напр., *tī* *īmē* 'такой', *īmē* 'этакий', *ṣṭōḵē* 'развешаться', *ērḡōḵē* 'абочка', *hūḡēi* 'пятка'); -*iy-i* (в ауслау-те *ii*) дал в ударенном слоге *ī*, *īi*, в неударенном — *ī*, т.е. аналогично дифтонгу *ui* (напр., *hūi* *tē* 'сосватанная', *ūi* 'род, сорт', *tūi* *mēr* 'лесной пожар', *ḡūi* *ūt* 'столько')".

Судя по нашим личным наблюдениям, эта аларская схема развития исторических дифтонгов в основном представлена во всех западных бурят-ских говорах, о которых упоминалось выше.

В окинском говоре, как показывают наши полевые записи, нет твер-дой нормы произношения дифтонгов. В речи одного и того же человека, носителя говора, исторические дифтонги либо сохраняют свой дифтонго-вый характер, либо переходят то в чистый долгий монофтонг, то в мо-нофтонг с *i*-образным или *э*-образным призвуком в конце. Рассмотрим подробнее развитие в окинском говоре исторических общемонгольских дифтонговых комплексов:

-*ay-i* (в ауслау-те *-ai*) дает в ашлау-те и инлау-те *æ*, в ауслау-те — *ε*; но чаще *æ*, *æε*, *æi*, например: *æ* *dāḷg* 'пугливый' (стп.-м. *ayidaṇ*, лит.-бур. *айдаг*), *æ* *ṣṭḡṭḡ* 'страшный; очень' (лит.-бур. *айхабтар*), *ho* *le* :

'горло' (стп.-м. quolai, лит.-бур. хоолой), хојоrте: 'двухгодовалый' (стп. qouartai, лит.-бур. хоёртой);

-eyi- (в ауслауте -ei) дает в анлауте и инлауте i: i:, в ауслауте — e: i: (наряду с e), например: ti:mē 'такой' (стп.-м. teyimü, лит.-бур. тийм), si:džm 'вода, забеленная молоком' (стп.-м. šeyidem, лит.-бур. сийд), zü:yi 'пчела' (стп.-м. jögei, лит.-бур. зугы), dule: 'глухой' (стп.-м. d. лит.-бур. дулиш), hz:yi, hz:ye:, ehēyei 'большой кусок войлока' (стп. isegei, esegei, лит.-бур. hзeы 'войлок'), түг'ei, түг'ei: 'голенница' (стп.-м. rei, лит.-бур. түриш), пехе: 'овчина' (стп.-м. nekei, лит.-бур. нэхы);

-oyi- (в ауслауте -oi) дает о:, о: (чаще же о:, оi, оe), например: о:гхoл 'близко' (стп.-м. ouigaqan, лит.-бур. ойрхон), пe:тoл 'мокра' (стп.-м. pouitan, лит.-бур. нойтон), о:loq:о, о:loq:о 'понимать' (стп. ouilayqu, лит.-бур. ойлгохо);

-uyi- (в ауслауте -ui) дает в ауслауте у:, у: (в анлауте и инлауте обычно в ауслауте также и y), например: хансy: 'рукав' (стп.-м. qanšui, лит.-хамсы);

-üyi- (в ауслауте -üi) дает в анлауте и инлауте ü:ü:, ü: (часто же пр üe, ü), иногда i:, в ауслауте — i:, i:, например: ü:hž 'береста' (стп. üyisün, лит.-бур. үйһэн), gū:hž 'бежать' (стп.-м. güyikü, лит.-бур. гүй тү:mž 'лесной пожар' (стп.-м. tüyimeg, лит.-бур. түймэр), m:ž 'де (стп.-м. büyile, лит.-бур. мүйлэ), xüdi: 'сколько' (стп.-м. kedüi, лит.-хэды).

Такой разноречивой в рефлексам рассматриваемого исторического комплекса с гласным i указывает на незавершенность процесса развития до монофтонгов из дифтонгов в окинском говоре.

Кроме того, немало случаев, когда и в самом литературном бурятском языке (через восточные говоры хоринского типа) на месте исторических дифтонгов представлены долгие гласные, что закреплено и в орфографии. Так, комплекс -eyi-, давший в халхаском языке дифтонг *ий*, в бурятском языке развился в долгий *ī*, отражаемый в орфографии в виде *ии* или *ий*, например:

Бур.	Х.-монг.	Калм.	Стп.-м.	Значение
ниилхэ	нийлэх	ниилх	neyilekü	соединение
тиихэ	тэгэх	тиигх	teyikü	так делать
иймэ	ийм	ийм	eyimü	этакий
диилхэ	дийлэх	диилх	deyilekü	побеждать
булсыхэ	бултийх	бултиих	bülteyikü	выпучиваться
бултыхэ				
бэлтыхэ				

Долгий гласный *ī*, обозначаемый в орфографии как *ии* или *ий*, в бурятском языке развился также и из сочетания -üyi- (через промежуточную ступень *-üi-), например: бур. *ниихэ* — стп.-м. süyike, МА sūjke, х.-монг. сүйхэ, орд. шүхе, калм. сийк 'серьги'; бур. *мүйлэ* наряду с *мүйлэ* — стп. büyile, х.-монг. бүйл, калм. буул 'десна'.

Развитие же -üyi- в долгий *ī* более характерно для калмыцкого языка, в котором больше примеров на это явление, например: калм. *киитн* — стп. küyiten, бур. *хүйтэн*, х.-монг. хүйтэн 'холодный'; калм. *киисн* — стп. küyisün, бур. *хүйһэн*, х.-монг. хүйс 'пупок'.

Однако наиболее регулярно и последовательно исторические дифтонги бурятском языке дали долгие гласные в ауслауте. Это характерно для всех бурятских говоров, в том числе и восточных. В литературном языке говорах хоринского типа в основном это долгий *ī*, обозначаемый в орфографии как *ы*. Данный *ы* возник из дифтонгов *ei, *ui, *üi, например: *ыды* 'сколько' < kedüi (х.-монг. хэдий, калм. кеду), *эды* 'столько' < edüi (х.-монг. өдий, калм. эду), *тэды* 'столько' < tedüi (х.-монг. төдий, калм. тэду), *харгы* 'дорога, путь' < qargui (х.-монг. харгуй), *харанхы* 'темнота' < qarangui (х.-монг. харангуй, харанхуй, калм. харңһу), *ургы* 'подснежник' < iragui (х.-монг. яргуй), *сэсэгы* 'зрачек глаза', *сүсэгы* 'сливки' < šöšui (х.-монг. цөцгий 'зрачок глаза; сливки', калм. цецгэ 'зрачок'), *үһэгы*, *эзгы*, *һэы* 'войлок' < esegei (х.-монг. эсгий, калм. ишкэ, МА sisegei).

В цонгольском говоре дифтонг ai//ei в аффриксе совместного падежа ai//tei дал *ы*, например: *мор'ты* 'с конем', *гэрты* 'с домом' [Будаев 1965, с. 166] стп.-м. moritai, gertei, лит.-бур. морьтой, гэртэй); ср. в произношении хоринцев соответственно мор'тээ, гэртээ, окинцев — mor'te:, gerte:.

В литературном бурятском языке и всех западных и хоринских говорах показателе совместного падежа -тай//гэй произносится долгий монофтонг *и* или *е*. В этом традиционные бурятские говоры едины.

Таким образом, вокализм бурятского разговорного языка во всем многообразии его говоров обогатился в процессе эволюции долгими гласными не только за счет развития комплекса V + g~y + V, но и благодаря монофтонгизации исторических дифтонгов. Причем в большинстве западных бурятских говоров долгих гласных этого типа больше, чем в восточных. Эта разница возникла из-за того, что в западных говорах монофтонгизации подверглись дифтонги не только ауслаута, но и в односложных словах и в анлауте многосложных (типа *ā* 'бойся' — лит. ай, *ō* 'лес' — лит. ой, *bāna* 'стоит' — лит. байна и т.п.).

Причина развития этой монофтонгизации дифтонгов заключается, по-видимому, тоже в действии общей тенденции к ослаблению артикуляции. При этом сверхслабые по природе щелевые спиранты у (йот) и i, оказавшись в комплексах Vy и Vi между гласными, а также в абсолютном конце слова, совсем ослабевают и вокализуются. После выпадения у (йот) гласный комплекса и i стягиваются в один долгий монофтонг, причем у (йот) и i оставляют после себя среднеязычный настрой артикуляции при произнесении этих комплексов, благодаря чему создается более закрытый и опереденный настрой образовавшегося монофтонга. Поскольку характер развившегося долгого гласного определился по первому гласному дифтонгового комплекса, закономерно предположить, что этот гласный, а не второй, в данном случае i, имел сильную позицию. Вероятнее всего, что сначала он был ударным, а потом на месте ударения развилась долгота, как и в случае с долготными комплексами V + y~g + V. Затем, вследствие продолжающегося действия тенденции ослабления, интервокальный у (йот) вокализировался, а из первого гласного и i образовался дифтонг, который при дальнейшем действии тенденции ослабления развился в долгий монофтонг.

К такому же выводу пришел и Ш. Лувсанвандан [см.: 1977, с. 97], сопоставивший закономерности образования долгих гласных на месте комп-

лексов $V + \gamma \sim g + V$ с закономерностями образования дифтонгов из комплексов $V + u + i$. Различие в характере долгих гласных и основного элемента дифтонгов навело его на мысль, что в комплексах $V + u + i$ первый гласный должен был быть как-то первоначально выделен.

Развивая эту мысль, можно далее предположить, что в тех случаях, когда из комплекса $V + u + i$ развивается долгий гласный i : (или y :), например бур. *хансы* (стп.-м. *qan̄si*) 'рукав', бур. *худы* (стп.-м. *ked̄üi*) 'сколько', бур. *чимэ*, калм. *чим*, х.-монг. *ийм* (стп.-м. *eyim̄*) 'такой', бур. *дишлэ*, калм. *дишлх*, х.-монг. *дийлэх* (стп.-м. *deyilek̄ü*) 'победить', наоборот, был как-то просодически выделен второй гласный, т.е. i . Следовательно, если мы имеем в разных монгольских языках различные рефлексy на месте $V + u + i$ (типа бур. *харгы* — х.-монг. *харгуй*, стп.-м. *qar̄guy* 'дорога, путь', бур. *хұды*, х.-монг. *хэдий* — калм. *кеду*, стп.-м. *ked̄üi* 'сколько'), то из этого следует, что в прошлом в этих языках комплекс $V + u + i$ имел разную просодию.

Очень подробно, гораздо подробнее, чем это сделали Г.И. Рамстет [см. с. 54–56] и А.Д. Руднев [1911, с. 192–194; 1913, с. XXVI–XXIX] разбирал вопросы, связанные с образованием дифтонгов в старомонгольском языке и их развитием в халха-ургинском говоре, Б.Я. Владимирцов [см. с. 266–310]. Здесь он впервые в монголоведении доказал на основе привлечения данных других алтайских языков, что монгольские комплексы $V + u + i$ развились из $*V + \gamma \sim g + i \sim i$ и $*V + w + i \sim i$. Появление дифтонга он связывал [с. 274–275] с ударенным характером первого гласного данного комплекса: "Фонема i , заключающая последние комплексы, была фонемой слабой, легко доступной всяким воздействиям, а ударение, гласное или второстепенное, не падало на него, и в результате из комплекса $V + u + i >$ дифтонги в халхаском и в других монгольских новых диалектах, которые в свою очередь подвергались дальнейшему развитию. Интервокальное u при этом процессе легко ассимилировалось, теряя свой шумный элемент: $V + u + i > V + i + i$ ". Далее Б.Я. Владимирцов заметил [с. 287], что на месте ауслатных дифтонгов в халхаском развились либо нисходящие дифтонги (типа $ai > a\bar{e}$), либо восходящие с долгим вторым элементом (типа $ui > u\bar{i}$, $üi > ü\bar{i}$). При этом он предположил, что в тех случаях, когда появился нисходящий дифтонг, исходный дифтонг был ударным, а там же, где возобладали долгий i со скользящим первым элементом, там исходный дифтонг не был ударным. Т.е., согласно Б.Я. Владимирцову, качество развившегося дифтонга предопределялось тем, был ли исходный дифтонг ударным или безударным.

Наша же точка зрения такова: исторические комплексы $V + u + i$, представленные в таком виде, например, в старомонгольском языке в начале и середине слова и давшие $V + i$ в конце слова, были предположительно двоякого характера — с ударением (а впоследствии с долготой) на первом гласном и с ударением (впоследствии долготой) на втором гласном, в данном случае на i , причем в первом случае развивался дифтонг и далее монофтонг на основе первого гласного, а во втором случае — на основе i долгий или $y\bar{i}$, либо восходящие дифтонги $u\bar{i}$, $ü\bar{i}$. Если бы i в исходном дифтонговом комплексе не был бы как-то выделен и не имел бы сильной позиции развития комплекса $V + u + i$ в долгие $\bar{i}$ и $y\bar{i}$ не произошло бы.

Г.Д. Санжеев, сопоставивший развитие комплексов $V + u + i$ в халха-

монгольском, ойратском и бурятском языках, приходит к выводу [1953, с. 80], что исторические дифтонги в ойратских диалектах полностью исчезают, развившись в долгие монофтонги, а "прочие монгольские диалекты приблизились к ойратским в отношении дифтонга $a\bar{e}$, который, особенно в непервых слогах, превратился в долгий гласный переднего ряда $\bar{a}$, и дифтонга $e\bar{i}$, который во всех слогах превратился либо в $\bar{e}$, либо в $\bar{i}$ ".

Развитию исторических дифтонгов в долгие монофтонги в калмыцком языке посвящена специальная статья Д.А. Павлова [см.: 1974, с. 218–225].

По данным Н.Н. Поппе, рассмотревшего развитие исторических дифтонгов почти во всех монгольских языках [Poppe 1955, с. 76–84], почти такой же тотальный, как и в калмыцком языке, переход дифтонгов в долгие монофтонги наблюдается и в языке монголов Ордоса, например:

орд. *dalā*, калм. [Ramst. KW] *dalā*, *dalā* — стп.-м. *dalai*, х.-монг., бур. *dalai* 'море';

орд. *noḥō*, калм. *noḥā*, *noḥā* — стп.-м. *noqai*, х.-монг., бур. *нохой* 'собака';
орд. *kütön* $\sim$ *kiten* $\sim$ *kšiten*, калм. *kit̄n* — стп.-м. *küyiten*, х.-монг., бур. *хуйтэн* 'холодный'.

Но калмыцкий язык, единственный из современных монгольских языков, довел до логического конца развитие всех дифтонгов в долгие монофтонги.

Как можно видеть из приведенных выше материалов по современным бурятским говорам, сходная с калмыцким языком картина в отношении развития дифтонгов в долгие монофтонги наблюдается в западных бурятских говорах, особенно в нижеудинском и аларском. Такое же развитие дифтонгов в монофтонги как характерная черта отмечается исследователями и для восточных говоров Внутренней Монголии [см.: Руднев 1911, с. 193–194; Тодаева 1960, с. 25; Kara 1970, с. 242–243].

Таким образом, в отношении развития дифтонгов в монофтонги восточные и южные бурятские говоры в общем совпадают с халхаским языком, а западные бурятские говоры сближаются с языками калмыков, монголов Ордоса и Внутренней Монголии.

ДИФТОНГИ

Дифтонги бурятского языка, которых в литературном языке насчитывается четыре — *ай*, *ой*, *уй*, *үй* (дифтонг *эй* существует только орфографически), — а в говорах несколько больше, восходят, как отмечалось выше, к комплексу $V + u + i$ в начале и середине слова и к $V + i$ в конце. Как уже говорилось, А.Д. Руднев считал, что как дифтонги эти сочетания сохранились в хоринском говоре в основном лишь в начале слова: *a\bar{e}*, *o\bar{e}*, *u\bar{i}*, хотя сам он признавал в то же время [1911, с. XXVIII–XXIX], что "даже и в первом слове написание дифтонга в транскрипции условно, ... имеющийся теперь там полифтонг со временем даст, вероятно, долгий гласный, какой уже есть в калм., вост., ... ведь и калмыки пишут дифтонг, а произносят долгий. ... некоторое отличие бурХор. полифтонга от соответствующих им калм. долгих и заставила меня прибегнуть к этому условному обозначению дифтонга в первом слове".

На употребление дифтонга в начале слова в бурятском литературном языке и говорах хоринского типа указывает также И.Д. Бураев [1959, 5. Зап. 780]

с. 143]: "Намечается некоторая тенденция в том, что монофтонг чаще употребляется в непервых слогах, а дифтонг в первых".

В некоторых бурятских говорах, главным образом западных, о чем уже говорилось выше, дифтонги везде стремятся перейти в опередненные дифтонги монофтонги. Но все же в ряде говоров дифтонги сохраняются, приближаясь к литературному языку. Так, исследователь баргузинского говора Э.Р. Раднаев [1965, с. 81] пишет: "Характеристика согласных и гласных звуков литературного бурятского языка, данная в работе И.Д. Бураева "Звуковой состав бурятского языка", вполне приложима к согласным и гласным баргузинского говора. В литературном бурятском языке нет дифтонга *эз*, который довольно часто употребляется в баргузинском говоре. Примеры: *нэхэдээ* (товарищей – род. п.), *хэлхээ* (не скажет)

Относительно дифтонгов сартульского говора И.Д. Бураев [1965, с. 12] сообщает: "Кроме основных четырех дифтонгов, которые встречаются в литературном бурятском языке, в сартульском говоре довольно часто употребляется дифтонг *уа*, первый элемент которого является открытым, а второй элемент заднерядным *а*. Например, *хуа*, лит. *ухаа* (каурий), *хутаэдэж*, лит. *хун тайжа* (князь). Слова типа *уааха* (мыть) часто в сартульском говоре произносятся как *гуах* в том же значении... Артикуляция моно-акустические данные сартульских дифтонгов *аз*, *оз*, *уи*, *уй* аналогичны дифтонгам литературного языка (подробное описание см. в работе "Звуковой состав бурятского языка", Улан-Удэ, 1959, стр. 142–157)".

Такие же, как и в литературном языке, дифтонги *аз*, *оз*, *уи*, *уй* выделяются в цонгольском говоре Ц.Б. Будаев [1965, с. 155], отмечая при этом, что "особенность цонгольского вокализма заключается в том, что в нем нет дифтонга *эз*, которого нет в современном монгольском и литературном бурятском языках. Например: цонг. *дзөөхээ*, монг. *дзөөхий*, лит. *зөө* (сметана); цонг. *бөөмэйлхэ* (относиться заботливо к кому)".

По свидетельству А.А. Дарбеевой [1978, с. 37–42], хотя количество дифтонгов в нижнеудинском говоре значительно сократилось за счет свития их в долгие монофтонги, в первом слоге в позиции после согласных дифтонги *oi*, *ui*, *üi* (кроме *ai*, *ei*) сохраняются, например: *koineke* 'задница' (лит.-бур. *хойнохи*), *goilga* 'подарок' (лит.-бур. *гуйлга* 'просьба'), *beke* 'бекас' (хор. *гуйба* 'годовалый марал'), *uiga* 'узкий' (лит.-бур. *уйга* 'бегать' (лит.-бур. *гуй*), *zui* 'сшивать' (лит.-бур. *зуй*). Кроме того, в нижнеудинском говоре его отмечен дифтонг *oa*, произносимый так же, как долгое *o*, в единственном слове *koa* 'светлокаштановый' (о масти) входящего также в состав этнонима *koa даркаң* (название рода у нижнеудинских бурят). Этот дифтонг *oa* соответствует сартульскому *уа* в слове *хуа* (ср. лит.-бур. *ухаа*, *хуаа*) с тем же значением 'светлокаштановый' (о масти). Дифтонги же *ai* и *ei* в нижнеудинском говоре не сохраняются, первый дал долгий монофтонг *ā*, *ē*, а второй – *ī* или *ē*.

В окинском говоре, по нашим наблюдениям, дифтонги произносятся чаще, чем развившиеся из них монофтонги. Встречается и двойное написание. Эта неустойчивость свидетельствует о незавершенности процесса монофтонгизации дифтонгов у окинцев.

Рассмотрим подробнее, какие дифтонги развились в окинском говоре на месте исторических монгольских дифтонгов.

**ai* сохраняется в виде дифтонга *æ*, *æi*, *ae* во всех позициях, например: *ai* 'война' (лит.-бур. *дайин*), *bei* 'стой' (лит.-бур. *бай*), *u:tei* 'сердитый' (лит.-бур. *ууртай*), *ag:tei* *sæ* 'крепкий чай' (лит.-бур. *агтай сай*), *ba:βae* 'медведь' (лит.-бур. *баабгай*), *χei* 'гравий' (лит.-бур. *хайр*);

**ei* сохраняется в виде *ei* в конце слова, например, *demei* 'эря' (лит.-бур. *эрбээхэй*);

**oi* сохраняется в виде *oe*, *oe*, *oi* в любой позиции, например, *oe* 'лес' (лит.-бур. *ой*), *oetohon* 'чулки, носки' (лит.-бур. *оймон*), *oelgosotae* 'помято' (лит.-бур. *ойлгосотой*), *mogoe*, *mogoe* 'змея' (лит.-бур. *могой*), *poχoe*, *poχoe* 'собака' (лит.-бур. *нохой*), *hoet*, *hoi* 'глухарь' (лит.-бур. *хойр*), *poet* 'сон' (лит.-бур. *нойр*), *toχoe* 'голова' (лит.-бур. *толгой*);

**ui* сохраняется в виде *ui* в начале и середине слова и *ui* в конце слова, например, *guilga* 'подарок' (лит.-бур. *гуйлга* 'просьба'), *mansui* 'пеленка' (лит.-бур. *мансы*, стп.-м. *manšui*), *χaui* 'дорога' (лит.-бур. *харгы*, стп.-м. *χaγui*), *χaui* 'темно' (лит.-бур. *харанхы*, стп.-м. *χaγangγui*);

**üi* сохраняется в виде *üe*, *üi* в начале и середине слова, например, *χuihæn* 'пушок' (лит.-бур. *хуйһэн*), *χueten* 'холодно' (лит.-бур. *хуйтэн*); в конце слова иногда дает *üe* параллельно с переходом в *i*, *i*, например, *düγüe* 'не хочет' (лит.-бур. *дүрагуй*) *z:z:γüe* 'пустой, без хозяина' (лит.-бур. *эжэгуй*), *üet:üet:üet:üet:üet* 'нет' (лит.-бур. *үгэ*, стп.-м. *ügei*).

Кроме того, в окинском говоре встретилось появление дифтонга *ae* в ауслауте имен существительных как наращение к общебурятскому (ср. общемонгольскому) аффиксу *-гана* (*-ганаан*), например: *χuiqlaæ* 'мышь' (лит.-бур. *хулгана*, *хулганаан*, стп.-м. *quluγana*), *χaqlaæ* – название кустарника (лит.-бур. *харгана*, *харганаан*, стп.-м. *qaraγana* 'карагана'), *la:qlaæ* 'красная смородина' (лит.-бур. *улаагана* 'кислица'), *ša:qlaæ* 'облепиха' (лит.-бур. *шасаргана*, *шасарганаан*, стп.-м. *šičaγana*).

Сходное явление отмечено также К.М. Черемисовым в тункинском говоре бурятского языка [см.: 1941, с. 123], например: *шасарганай* 'облепиха', *хулганай* 'мышь', *алаганай* 'окунь' (лит.-бур. *алагана*).

В тункинском говоре им зафиксирован также переход в дифтонг долгого гласного после палатализованного согласного, например: *хурэй* вместо *урез* 'изгородь', *урай* вместо *уря* 'раньше', *марайтай* вместо *марятай* 'полный, тучный' [см.: Черемисов 1941, с. 130]. Иногда такой переход происходит и без соседства палатализованных согласных, например: *май* вместо аларского *маахай* 'лоб', *ургэйхэ* вместо *ургээхэ* 'пугать, отпугивать', *майраха* вместо *маараха* 'блеять', *обойлохо* вместо *обоолхо* 'наваливать кучей' [см.: Черемисов 1941, с. 123].

Таким образом, в бурятских говорах бытуют, кроме общих дифтонгов *эз*, *оз*, *уи* и *уй*, также и дифтонги *эз* (в баргузинском и цонгольском), *уа* (в сартульском) и *оа* (в нижнеудинском).

Особняком стоит в отношении развития дифтонгов хамниганский говор, чем свидетельствует его исследователь Д.Г. Дамдинов [1968, с. 80]: Дифтонги исследуемого говора по своему произношению и образованию отличаются от таковых бурятского литературного языка и его говоров. Одной из характерных особенностей данного говора является то, что в нем исторический дифтонг *ei* (*ei*), так же как в современном монгольском

языке, еще не потерял своего дифтонгового характера; сохранение архаичной формы произношения наблюдается и у других дифтонгов, употребляемых в начале и в середине слова: *aji*, *eji*, *yji*, *yji*. Это особенность ярко выражена в речи хамниган сел Алтан и Кыра. Например: *тэјиму* (такой), *цэјидэм* (забеленный молоком напиток)... и т.д. У хамниган токчинской группы наблюдаются дифтонги несколько другого характера: из исторических дифтонговых сочетаний *aji*, *oji*, *yji*, *yji*, *eji* здесь сохранился звук а интервокальный звук *j*, потеряв свой шумный признак, перешел в звук *i*, в результате образовался долгий гласный звук *ii*, который обусловил появление ярко выраженных восходящих дифтонгов *^aii*, *^oii* и др., примеры *тэ^aиимэ*, *цэ^oиидэм*, *толог^oии*".

Итак, в бурятских говорах и в литературном языке исторические дифтонги претерпели довольно заметное и существенное изменение, проявляющее тенденцию к превращению в долгий монофтонг. Особенно сильно это представлено в западных бурятских говорах, что сближает их с калмыцким языком и с языками монголов Ордоса и Восточной Монголии. В западных бурятских говорах по сравнению с другими бурятскими говорами, процесс ослабления дифтонгов в долгие монофтонги более последователен и закончен.